

Содержание

Введение	3
Глава 1. Основы политики «мягкой силы»	6
1.1. «Мягкая сила» в международных отношениях	6
1.2. Особенности и отграничение «мягкой силы» от других видов политического влияния.....	9
1.3. Национальные особенности «мягкой силы» во внешней политике стран	13
Глава 2. Проблемы реализации «мягкой силы» на примере США и ЕС	33
2.1 Генезис политики мягкой силы в США и ЕС.....	33
2.2. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике США и ЕС.....	53
Заключение	64
Библиографический список.....	68
Приложение	72

Введение

Актуальность выбранной темы исследования обоснована протекающими политическими процессами в современном обществе. Одной из основных задач внешней политики всех государств является повышение его статуса на мировой арене, создание благоприятных внешних условий для долгосрочного социально-экономического развития страны. При этом в разные эпохи существенно изменяются политический инструментарий достижения данной задачи. Если в XX в. в условиях международной напряженности основной тенденцией было наращивание государствами в первую очередь «жесткой силы» – военной и экономической мощи, то сегодня под влиянием процессов глобализации и в условиях становления новой «полицентричной системы международных отношений» на передний план в качестве главных факторов влияния государств на мировую политику, наряду с военно-политическим весом и экономическими ресурсами, выдвигаются факторы «мягкой силы»: достижения государств в области культуры и искусства, науки, технологий, образования и т.д.

Объектом исследования является – ресурсы внешней политики государств. Предметом – «мягкая сила» во внешней политике.

Цель данной работы – рассмотреть «мягкую силу» как ресурс внешней политики государства на примере США и стран ЕС.

Задачи, которые необходимо решить для достижения поставленной цели:

- раскрыть понятие «мягкая сила», причины появления, свойства, функции и задачи в международных отношениях;
- определить особенности и отграничение «мягкой силы» от других видов политического влияния;
- проанализировать национальные особенности «мягкой силы» во внешней политике стран;
- проследить генезис политики мягкой силы в США и ЕС;

- выявить проблемы реализации политики «мягкой силы» во внешней политике США и ЕС.

Концепция «мягкой власти» была сформулирована Дж. Наем, и именно его работы в данной области на протяжении нескольких лет послужили отправной точкой для данного исследования. Следует отметить, что Дж. Паю приходилось вступать в полемику со своими критиками, поэтому к своим первоначальным тезисам он впоследствии добавил новые уточнения.

В работе сделан теоретический экскурс, позволяющий проследить, как в рамках теории международных отношений различные школы подходили к рассмотрению проблематики власти в мировой политике. В частности, работы К. Уолтца [1], Д. Миршмейера[2], Д. Айкенберри[3]. Проблематика «силы» и «влияния» на мировой арене также разрабатывалась Ю.П. Давыдовым[4], в работах Р. Дувалла[5], М. Барнетта[6] и др. Проблематика реализации политики «мягкой силы» в США в генезисе рассматривается в статьях И.В.Шумиловой, Г.Ю. Филимонова.

Основной упор в рассмотрении понятийного аппарата сделан на труды Дж.Най, профессора Гарвардского университета - автора термина «мягкая сила» и основоположника целого направления в изучении «мягкого» инструментария американского могущества. В процессе проработки темы работы были использованы его основные труды: «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи», «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике». Дж.Най исследует внешнеполитические проблемы, связанные с глобализацией и универсальной взаимозависимостью, вооружениями и распространением ядерного оружия, политикой США в с другими странами, а также вопросы управления и власти как внутри государства, так и на мировой сцене в условиях глобализации и информационной революции.

Публикация концепции «мягкой власти» Дж. Нае вызвала серьезную дискуссию в политологических кругах, которая частично сфокусировалась на том, что, по мнению других исследователей, следует уточнить в оригинальной

идее Ная. Работы других авторов расширяют понимание «мягкой власти» в мировой политике. К ним, в первую очередь, относятся исследования конструктивистов – Дж. Маттерн[7] и С. Льюкса[8], а также семиотический анализ «мягкой власти», предложенный российскими исследователями М.А.Троицким и И.А. Зевелевым[9].

Примечания:

1. Waltz K. Theory of international politics. McGraw-Hill, 1979. P 251.
2. Mcarsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. University of Chicago, W.W. Norton and Company, Inc, 2001. P 555.
3. Ikenberry J. After victory: institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars. Princeton University Press, 2001. P 320.
4. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Том 2. Номер 1 (4). Январь-апрель 2004.
5. Duval R. Power in global governance. Cambridge University Press, 2005. P 368.
6. Barnett M. Power in international politics // International organization 59, winter 2005.
7. Mattern J .B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies, Vol.33 #3 2005.
8. Lukes S. Power: a radical view. Macmillan, 2005. P 192.
9. Зевелев И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ // Очерки текущей политики. Выпуск 2. Научно-образовательный форум по международным отношениям. Москва, 2006.

Глава 1. Основы политики «мягкой силы»

1.1. «Мягкая сила» в международных отношениях

Государства издревле стремились и стремятся использовать как можно более широкий набор средств для достижения своих внешнеполитических целей, подкрепления международных позиций своей страны, создания её позитивного образа за рубежом.

Категория силы – одна из древнейших. Она заявила о себе, наверное, тогда, когда в мире еще не было государств, а человечество делилось на расы, племена и родовые общности. С появлением государств это понятие было легитимизировано.

В языке некоторых народов до сих пор слова «сила» и «государство (власть)» означают практически одно и то же – в английском, например. В теории международных отношений «сила» является точкой отсчета большинства концепций политического мышления.

Понятие «мягкая сила» за последние годы приобрел широкую популярность в академических и общественно-политических кругах. Своему быстрому внедрению в научный и политический оборот он обязан работам американского специалиста по внешней политике Джозефа Ная [1]. Понятие «мягкая сила» пришло в русский язык из английского – ««мягкой силы»».

В литературе можно встретить разные переводы данного термина данного Дж. Найем, но ближе всего к оригиналу является следующее: «Мягкая сила» – это «способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов»[2].

«Сила» как таковая всегда была близка американскому мышлению, привлекала внимание американцев; особенно понятие «силы» было близко

американской политической и военной элите (в английском языке слово «power» многозначно – в нем собраны понятия силы, влияния, мощи и др.).

Дж. Най во многом сформулировал свою концепцию, опираясь не только на результаты своих теоретических исследований, но и знания, обретенные за годы своей работы в Пентагоне и Госдепартаменте США, Национальном совете по разведке и Комитете ООН по проблемам разоружения. Выпускник престижного Принстонского университета и преподаватель Гарварда с 40-летним стажем, он по праву считается одним из наиболее известных специалистов по проблемам международных отношений. Используя понятие «силы» в своих более ранних работах профессор Дж. Най, член Американской академии искусств и науки Дипломатической академии США, постепенно развил собственную теорию силы, изложив ее в своей книге «Мягкая сила» «soft power» (2004). Согласно предложенной им теории, ««мягкой силы»» - «способность убедить других хотеть того же, чего хочешь ты или как непрямой/вовлекающий (co-optive) метод осуществления власти». То есть «мягкая сила» - это способность получать желаемое, привлекая, а не заставляя.

Поэтому, можно сделать вывод, что ««мягкой силы»» – это не только, собственно, «влияние» (influence), но и «привлекательность» (attractive power). Согласно Дж. Наю, ресурсами ««мягкой силы»» в международных отношениях являются все те методы, которые «вдохновляют и привлекают» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто стремится его контролировать, добиться желаемого результата.

Таким образом, вовлекающая власть основывается на привлекательности идей, причем способность формировать предпочтения традиционно ассоциируется с нематериальными ресурсами, такими как культура, идеология и институты. Соответственно, «мягкий» способ воздействия является противовесом «жесткой» силе, которая обычно связана с такими материальными ресурсами, как военная мощь и экономический потенциал.

Следует отметить, что данное Дж. Наем определение «мягкой силы», позволило создать общепринятый научный термин явления, которое

существовало в политических технологиях с древних времен. Публичная дипломатия как направление государственной деятельности для влияния на иностранное общественное мнение и формирования восприятия этого государства в других странах мира существовала уже долгие десятилетия и рассматривалась как одно из направлений внешнеполитической деятельности.

Сила – это способность изменять существующее положение вещей или, если оно имеет тенденцию к изменению, оставлять его неизменным.

«Мягкая сила» в широком понимании – это способность достигать некоторой цели самому или через чье-либо посредство, выбирая из спектра потребных инструментов такие, относительно которых можно ожидать, что они при их применении будут наносить относительно меньший ущерб (материальный или нематериальный) по сравнению с другими инструментами, потенциально применимыми для достижения той же цели.

Широкое понимание «мягкой силы» иногда встречается в политической науке и в теории международных отношений, но понимается под ним при этом сугубо манера политического действия – в духе давней формулы железный кулак в бархатной [мягкой] перчатке.

Однако использование по отношению к этому «кулаку» выражения мягкая сила приводит к размыванию границ термина.

«Мягкая сила» – это притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.

«Мягкая сила» – больше, чем просто убеждение, уговаривание или способность подвигнуть сделать что-либо при помощи аргументов, хотя все это является важными элементами этой силы.

«Мягкая сила» – это также способность привлекать, и привлечение часто ведет к взаимопониманию. По-другому, «мягкая сила» – это привлекательная сила» [3].

«Мягкая сила» характеризуется тремя основными элементами:

- Культура (в широком понимании смысла этого слова).
- Политическая идеология (политические ценности).
- Внешняя политика (дипломатия).

Противовесом мягкой силы выступает «жесткая сила» ("hard power"), которая обычно ассоциируется с совокупностью военной мощи, экономическим и политическим потенциалами. В отличие от «мягкой силы», применяющей инструменты консенсуса, внешнеполитических мероприятий, сотрудничество, «жесткая сила» основывается на приемах и методах навязывания и принуждения.

Джон Киртон [4] связывает «мягкую силу» – с формой национальной мощи или относительного потенциала, который мобилизуют страны проведения своего дипломатического курса;

- процессом влияния в рамках этих международных институтов по мере того, как страны пытаются определить свои предпочтения;
- типом воздействия, который институт как коллективный актор оказывает на своих членов, международные отношения и глобальный порядок в целом.

1.2. Особенности и отграничение «мягкой силы» от других видов политического влияния

В основе определения понятия «мягкая сила» лежит идея о существовании эффективных инструментов властвования, альтернативных силам принуждения и давления, которые стали обозначаться понятием «жесткая сила» или власть.

Под «жесткой силой» подразумевается инструментарий внешнего давления, который в процессе коммуникации вынуждает объект воздействия подчиняться более сильному партнеру. К «жесткой силе» обычно относят вооруженное, экономическое и административное давление. К современным видам «жесткой силы» можно также отнести информационную войну и рекламную агрессию.

Существуют определенные трудности в переводе выражения «soft power», оба слова в котором неоднозначны, что позволяет переводить их на русский язык по-разному, а также создает предпосылки для использования в составе переводов этого выражения слов, которые являются не переводными эквивалентами соответствующих английских лексем, а вербальными инструментами авторской интерпретации идей Ная. Однако такая интерпретация, с одной стороны, привносит непредусмотренные в оригинальной концепции смысловые компоненты, а с другой – приводит к утрате тех смысловых связей, которое имеет английское слово «power», а в значительной степени также и русское слово сила. Кроме того, такие русские переводы англ. power, как власть и мощь (в выражениях мягкая власть, мягкая мощь), имеют более узкое значение, чем русское существительное сила, что небезразлично для функционирования метафоры, присутствующей в выражениях «soft power» в английском и мягкая сила в русском языке.

Гибкая сила (выражение, использованное в русском переводе книги Ная) акцентирует не характер силы, а скорее способ ее применения (гибкость применения вполне совместима с жестким характером силы) [5].

В отличие от жесткой власти «мягкая сила» не воспринимается в качестве силы, которая воздействует извне. Мягкая власть основана не на давлении, а на механизмах соблазна и имиджевой привлекательности. Поэтому ее воздействие субъективно воспринимается как внутренний свободный выбор и предпочтение реципиента.

Вступление общества в эпоху глобальных маркетинговых коммуникаций ознаменовалось появлением интегрированных властных комплексов, соединяющих hard power с мягкими способами властвования, апеллирующими к гуманистическим ценностям, культурному, научно-техническому, образовательному и информационному обмену, взаимопомощи, идеалам мирного сосуществования и устойчивого развития.

В связи с появлением широких толкований понятия «мягкая сила» встал вопрос о смысловых границах его применения. Один из авторов отмечает, что

часто встречаемая в литературе неопределенность в использовании категории «мягкой силы» может привести к ее теоретической девальвации. При этом обращается внимание на следующие моменты: отсутствие четких критериев дифференциации «мягкой силы» и «твердой силы»; неопределенность смыслового значения такого центрального компонента «мягкая сила», как attraction (привлекательность); зависимость трактовки «мягкой силы» от интересов конкретного политического субъекта. В целях теоретической конкретизации понятия «мягкой силы» предлагается вычленить его структурное ядро, в составе которого должны находиться разделяемые большинством народов ценности и нормы[6].

Вместе с тем, несмотря на некую категориальную размытость понятия «мягкой силы», его концептуальная и стратегическая значимость постоянно растет. Причина заключается в том, что концепт «мягкой силы» логически вписывается в современные теории успешных коммуникативных практик и проблематику стратегического формирования государственного образа страны на мировой арене.

Мы можем раскрыть природу «мягкой силы» в контексте сравнения с «жесткой силой», данного в работе Ин Фана[7]. (см. Приложение 1)

«Мягкая сила» применяется для формирования предпочтений людей, а также имеет распространенное применение в области культуры и внутренних отношений государств. Одним из ее явных результатов является то, что «мягкая сила» способствует созданию доверительных отношений между гражданами и государствами.

Таким образом, определяя основные разграничений понятий можно определить рабочее понятие. «Мягкая сила» — это способность государства перетягивать на свою сторону другие государства путем демонстрации ценностей и достижений в разных областях жизни. Антитезой «мягкой силы» выступает «жесткая сила», к которой относятся инструменты военного и экономического давления. Диалектическое соединение «мягкой» и «жесткой»

силы в государственной стратегии обозначается понятием smart power («умная сила»).

Между тем, концепция, разделяющая власть на «мягкую» и «жесткую», не включает весь спектр властных отношений, складывающихся в международно-политической среде.

Основным критерием разделения, согласно Дж. Наю, выступает:

- а) напрямую действует актор или опосредованно;
- б) использует актор принуждение или привлекательность.

«Мягкая власть», таким образом, есть способность субъекта заставить других изменить свое поведение, действуя опосредованно, без прямого принуждения, используя собственную привлекательность. Однако субъект может действовать опосредованно, без прямого принуждения, например, через международные институты и тоже добиваться необходимого результата, однако данный тип воздействия не связан с привлекательностью.

Предложенный Дж. Наем термин, безусловно, описывал не принципиально новое, а давно существующее явление, которое, однако, до этого не имело общепринятого академического определения. Публичная дипломатия как направление государственной деятельности для влияния на иностранное общественное мнение и формирования восприятия этого государства в других странах мира существовала уже долгие десятилетия и рассматривалась как одно из направлений внешнеполитической деятельности. Следует отметить, однако, что понятие «мягкой власти» шире, чем публичная дипломатия, гражданская дипломатия или «брендинг» государств. Концепция «мягкой власти» сместила фокус с исключительно практических вопросов на изучение тех принципов, которые задействованы при взаимодействии с зарубежными аудиториями.

1.3. Национальные особенности «мягкой силы» во внешней политике стран

Внутренняя политика государства осуществляется в условиях наличия центральной власти, ее вертикали, иерархических структур, существования законов и норм поведения, обязательных для исполнения всеми гражданами и организациями. Эти нормы носят публично-правовой характер. Нормы являются следствием необходимости подчинять частную стихийную волю личностей и групп интересам всего общества. Власть (закон) регулирует взаимоотношения личности, общества, государства на различных уровнях, и это – по крайней мере в идеале – принимается всеми как должное, как форма общественного договора между управляемыми и управляющими.

В отличие от внутренней международная политика реализуется в среде, где нет высшего органа управления, который выносил бы свои приговоры о правомерности действий субъектов международных отношений, прежде всего государств. В этой среде нет, следовательно, и гаранта их мирного сосуществования, гаранта их «нравственного поведения».

Каждое государство в идеале суверенно, оно обладает высшей властью над своей территорией и своим населением и никакой другой – более высокой – власти над собой не признает. Такое положение вещей может создавать во внешней среде противоборство интересов, конкурирующих суверенитетов, своего рода «состояние войны всех против всех», ибо когда не срабатывают другие средства, сила, как правило, становится доводом – конечным и легитимным методом решения споров между различными странами.

На протяжении человеческой истории сила государства отождествлялась, главным образом, с его военной мощью. Это логично: если система международных отношений настроена на высокую вероятность конфронтации, то понятие силы естественно идентифицируется с понятием военной силы. И в наши дни немало политиков и экспертов (российских и западных) исходят из

того, что военная сила (и прежде всего ее ракетно-ядерный компонент) является главным инструментом, влияющим на окружающее пространство.

Вместе с тем сводить понятие силы на международной арене к военной мощи государства вряд ли правомерно. Ядерное оружие в военном плане фактически не используется, не случайно оно больше никогда не применялось на полях сражений после Хиросимы и Нагасаки, превратившись таким образом в чисто политическое средство. Сокращается (несмотря на отдельные рецидивы) и эффект от использования на международной арене военной силы вообще для достижения политических целей. Это показали и Вьетнам, и Афганистан, и Чечня, и Косово. В Ираке в 2003 г. победила не антитеррористическая коалиция, возглавляемая США, а цифровые технологии. Если значение военной силы и сохраняется, то прежде всего как инструмент поддержания статус-кво: она все меньше используется для попыток изменить ситуацию в свою пользу. Во всяком случае, среди либеральных демократий понятие силы давно не исчерпывается лишь ее военным аспектом. Как отмечают многие эксперты, основные перемены на международной арене сегодня связаны не с применением военной силы, а с чем-то иным, прежде всего с использованием невоенных инструментов.

Это не означает, что военная сила вообще не востребована ныне на международной арене. Это означает лишь то, что сведение силы к военной ее составляющей не соответствует действительности. Военная мощь – лишь один из возможных вариантов существования и использования силы как внутри страны, так и во внешнем мире.

Государство обладает монополией на политическую власть только в пределах собственных национальных границ. Вне их оно – лишь одно из многих формально равноправных, политически независимых субъектов. То есть во внешней среде фактически нет постоянного учреждения, стоящего над государствами и наделенного властными полномочиями создавать законы (нормы) их поведения и разрешать их споры.

В настоящее время во многих странах существуют государственные программы, в которых «мягкая сила», рассматривается в качестве действенного инструмента усиления влияния государства, следствием чего является возрастание его международного и внутривластного влияния. В одном из зарубежных исследований выделяются следующие разновидности «мягкой силы», связанные с продвижением имиджа государства в мировом политическом пространстве:

1) «мягкая сила», создающая привлекательный образ страны в связи с проведением мирной внешней политики в целях усиления международной безопасности.

В качестве примеров первой категории «мягкой силы» приводятся китайские принципы «мирного возвышения», японские послевоенные усилия по созданию миролюбивого имиджа страны посредством Конституции мира, Трех антиядерных принципов, политики сдерживания сил самообороны, однопроцентного госбюджета на оборону.

2) «Мягкая сила», направленная на поддержку общественного единства внутри страны или укрепления единства ряда стран;

Примером второй разновидности «мягкой силы» могут служить разработанные в Японии такие концептуальные модели, как «модель летящих гусей», «тойотаизм», «система точно-в-срок» (Just-in-time system), «мягкий авторитаризм».

3) «Мягкая сила» в целях повышения рейтинга лидера и государственных институтов страны.

Примерами третьей категории «мягкой силы» являются публичные демонстрации выдающихся способностей политических лидеров страны, пропаганда их активной деятельности на международных форумах, позитивные оценки работы политических институтов в СМИ[8].

В качестве особой формы «мягкой силы» рассматривается также привлекательный репутационный имидж государственных институтов. Данный имидж возникает в результате успешного осуществления стратегических

программ и реформ, умелого проведения политических акций, демонстрации ответственной социальной политики, надежности партнерских отношений, грамотного урегулирования конфликтов[9].

В разных странах набор инструментов «мягкой силы», направленный на формирование и продвижение собственного государственного влияния, несет в себе яркие черты национальной специфики. В этой связи имеет смысл говорить о существовании национальных моделей «мягкой силы», главная задача которых – укрепление экономических, политических, культурных и иных позиций государства на международной арене.

Озабоченность государств проблемами влияния на мировой арене продиктована задачей повышения их конкурентоспособности в условиях усиливающейся глобализации и борьбы за новую конфигурацию миропорядка.

Основными объектами конкурентной борьбы выступают денежные потоки, связанные с направлением в собственную страну разного рода инвестиций; человеческие ресурсы, позволяющие освоить новые территории, рабочие места, развить передовые индустрии, включая креативные; туристические потоки, создающие капитал для сохранения культурных памятников и развития высокодоходной туристической отрасли; интеллектуальные потоки, связанные с интеллектуальной мобильностью, обменом знаниями, формированием «фабрик мысли», перераспределением и циркуляцией образовательного и научного капиталов; культурно-информационные потоки, представляющие собой обменные процессы внутри культурных и информационных практик, имеющих место в мировой культуре и глобальном медиапространстве.

Предметом конкурентной борьбы выступают также широкомасштабные мероприятия (спортивные, выставочные, фестивальные, конкурсные и др.), усиливающие позитивный имидж страны, делающие ее привлекательной для большого числа людей.

Встающие перед многими современными государствами задачи формирования и укрепления влияния страны все чаще находят свое решение в

разработках долгосрочных стратегических программ по созданию оригинальной национальной модели «мягкой силы».

Примерами могут служить программы развития «мягкой силы» ряда государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Существование значительных теоретических и практических достижений целого ряда азиатских государств в данной области позволяет вести речь, к примеру, о китайской, японской, южно-корейской и индийской моделях «мягкой силы».

Между странами Азии в настоящее время разворачивается соревнование в области эффективного применения инструментов «мягкой силы» в целях успешного продвижения государственного бренда, а вместе с тем и интересов страны.

В последнее время в литературе появились научные исследования, посвященные проблемам измерения и сравнения «мягкой силы» разных стран. При этом поднимаются следующие методологические вопросы:

- 1) каковы разновидности «мягкой силы» (номенклатурный аспект);
- 2) каковы параметры и показатели, на основании которых можно измерять, а следовательно, и сравнивать «мягкую силу» разных государств;
- 3) насколько разнятся между собой в концептуальном и практическом планах национальные модели «мягкой силы»;
- 4) какие страны являются наиболее «мягкими» в своей внешней и внутренней политике.

В настоящее время разрабатываются сложноструктурированные модели «мягкой силы» и ее измерительного инструментария. Согласно одной из моделей выделяются следующие подвиды «мягкой силы», которые в совокупности образуют ее комплексную модель:

- экономические ресурсы «мягкой силы» (привлекательность экономических рынков);
- гуманитарные ресурсы «мягкой силы», включающие в свой арсенал привлекательность социальных и образовательных программ, учебных и научных институтов;

- культурные ресурсы «мягкой силы», связанные с развитием культурных коммуникаций и продвижением культурного достояния страны;
- политические ресурсы «мягкой силы» — показатели уровня развития институтов политической демократии и состояния защиты прав человека;
- дипломатические ресурсы «мягкой силы» — показатели эффективности дипломатических усилий по урегулированию конфликтов и предотвращению агрессии, степень миролюбия, способность к установлению глобальной повестки дня[10].

В каждой стране формируется свой контент soft power, что обусловлено политическими, экономическими и социокультурными различиями между странами мира.

Эти национальные разновидности мягкой силы можно назвать так как:

- доминирующая мощь США (dominant power of the USA);
- привлекательная сила Европы (attractive of Europe);
- мудрая сила Китая (wise power of China);
- утонченная, изысканная сила Индии (sophisticated power of India);
- мистическая сила Востока (mysterious power of the East).

Для измерения и сравнения различных компонентов «мягкой силы» разных стран разрабатываются рейтинговые системы. Один из таких рейтингов был представлен в докладе Чикагского совета по глобальным вопросам (Chicago Council on Global Affairs) в 2008 г.[11].

Британская газета «Дейли мейл» приводит рейтинг 20 стран, обладающих по итогам 2012 г. наиболее сильной мягкой силой. Статья называется «Кто правит миром? Первая двадцатка». Каждая из стран этого списка обладает набором тех или иных специфических характеристик или одной уникальной чертой, которые позволяют ей оказывать влияние на глобальный мир[12].

На первом месте Великобритания, внешнеполитические ресурсы влияния которой, как считают авторы рейтинга, выросли благодаря грандиозной церемонии открытия Олимпийских игр, спортивным и культурным успехам

страны в минувшем году, будь то победа Энди Мюррея на открытом чемпионате США или новый фильм о Джеймсе Бонде.

Второе место занимают Соединенные Штаты Америки, которые, как справедливо констатируют авторы рейтинга, во многих областях продолжают оставаться лидером глобального мира.

Третье место отдано Германии благодаря не только ее экономическому лидерству в Евросоюзе, деятельности и авторитету всемирного известного института Гёте, но не в последнюю очередь успехам Бундеслиги и в целом немецкого футбола в 2012 г.

Франция занимает четвертое место в рейтинге обладателей самой внушительной мягкой силы, оставаясь несомненным лидером в области галеристики, музеев и национальной кухни.

Швеция, находясь на пятом месте, имеет привлекательный имидж дружелюбной и эффективно функционирующей страны, которой, однако, мешают стереотипы восприятия, связанные с группой ABBA и небезызвестной ИКЕА.

Японии отдано шестое место, поскольку она становится «все менее островной страной и более открытой миру», в том числе в области моды. А японская поп-музыка успешно идет на экспорт.

Мягкая сила Дании, занимающей седьмое место, помимо традиционных музыки, искусства, архитектуры и дизайна, прирастала популярными телевизионными сериалами («Борген»).

Дальнейший анализ рейтинга стран показывает, что их мягкая сила представляет собой некий микс успехов в экономике (Швейцария – *reliable and capable of doing the dull stuff well*), политике (Австралия – *Increasingly influential in Pacific affairs*, бизнесе (*businesses have been attracted by Istanbul*) и культурных достижений, в основном в массовой культуре (Южная Корея – *the emergence of K-Pop, as exemplified by Psy's Gangnam Style, is a ready-made export*). Так, для роста мирового влияния Республики Корея в 2012 г. большую роль сыграла

растущая популярность певца Psy и его стиля Gangnam, к которому равнодушен даже Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун.

Важными факторами мягкой силы являются аспекты социальной и общественной жизни страны.

Так, в рейтинге отмечается реакция общества в Норвегии на убийства А.Брейвика. Финляндия позиционируется как страна, где успешно решаются проблемы (a nation of problem solvers).

Мягкая сила Италии традиционно ограничивается модой и национальной кухней, у Испании свой набор: солнце, кино, еда.

На семнадцатом месте в рейтинге оказалась Бразилия, чье огромное обаяние и мягкая сила связаны с гостеприимным и жизнерадостным народом ('welcoming' and 'fun-loving' people) и чей экономический подъем уже нельзя не замечать.

Рекордный прыжок Феликса Баумгартнера помог освежить несколько потускневший имидж Австрии.

В списке двадцати ведущих с точки зрения мягкой силы стран есть также Канада – десятое место), Голландия (именно под этим именем страна фигурирует в рейтинге на пятнадцатом месте), Бельгия (девятнадцатое место) и Турция (двадцатое место).

Последняя попала туда благодаря успешному развитию бизнеса в стране и быстрому расширению своих авиалиний.

Комментируя данный рейтинг, многие аналитики считают, что такие факторы влияния, как успехи политики, дипломатии, бизнеса, культуры, спорта и образования, оказываются в XXI в. гораздо эффективнее, чем финансовая мощь или грубая, brutальная сила (this assesses each country's influence in terms of politics, diplomacy, business, culture, sport and education rather than financial might and brute force)[13].

При создании национальной модели «мягкой силы» внимание аналитиков концентрируется прежде всего на тех достижениях страны, которые обладают такими свойствами, как уникальность, креативность, открытость для обмена

опытом, коммуникативная гибкость, высокая технологичность. В этом плане весьма показательна стратегия «мягкой силы», разработанная и примененная в Южной Корее. В настоящее время Южная Корея обладает следующими значимыми ресурсами «мягкой силы»:

- 1) успешный опыт быстрой модернизации и демократизации;
- 2) так называемые «Корейские волны» («Korean Waves») в разных регионах Восточной Азии.

Ощутимыми результатами успешной южнокорейской стратегии «мягкой силы» выступают расширение рынков торговли южнокорейскими товарами; увеличение туристских потоков в Южную Корею; консультационная и экспертная помощь политикам и бизнесменам из других стран по вопросам модернизации и демократизации. В странах, в которых приветствуются «Корейские волны», получают распространение корейский стиль жизни, корейский тип потребления и сервиса, становятся популярными корейские бренды и знаменитости.

Южная Корея намерена составить серьезную конкуренцию США и Японии в продвижении на мировые рынки таких культурно-технологических ресурсов «мягкой силы», как мультипликация и компьютерные игры. В последние годы культурная «мягкая сила» Кореи заметно активизировалась в Латиноамериканском регионе. К примеру, в 2008 г. было принято решение о строительстве «Корейского парка» в Коста-Рике, посещая который дети и взрослые могли бы легко и радостно приобщаться к культуре далекой страны. В том же году посол Коста-Рики в Южной Корее провозгласил, что Корея выполняет роль модели для его страны.

Среди азиатских стран признанным лидером в области концептуальной разработки национальной модели «мягкой силы» является Китай. С 2007 г. работа по созданию и применению китайской модели «мягкой силы» рассматривается в качестве важной государственной программы развития страны. Среди важнейших компонентов китайской модели «мягкой силы» — усиление привлекательности социалистических идеалов, повсеместное

распространение великой китайской культуры, включая конфуцианскую философию всеобщей гармонии, и расширение доли людей, владеющих китайским языком. В плане реализации данной стратегии Китай к настоящему времени уже создал 295 Институтов Конфуция при университетах разных стран мира. В целях продвижения китайского языка по всему миру затрачиваются крупные суммы (около 200 млн долларов в каждом квартале) на обучение педагогов, призванных преподавать иностранцам упрощенную версию языка под названием Mandarin. Для детей китайских диаспор реализуется программа под названием Travel to China to Find Your Roots, направленная на усиление китайской привлекательности, издаются специальные учебники по истории Китая, повествующие о традициях и достижениях страны, о ее международном влиянии, внушающие чувство гордости за историческую родину[14].

В настоящее время китайские аналитики активно занимаются разработкой теории диалектического соединения «мягкой силы» Китая с инструментарием «жесткой силы». В современной литературе данная стратегия обозначается понятием smart power, что на русский язык переводится как «умная власть»[15].

В интерпретации китайских исследователей smart power представляет собой практическую политическую мудрость, состоящую в искусстве соблюдать динамический баланс между насильственными и ненасильственными способами властвования. Диалектический подход предполагает осознание существующей взаимосвязи и взаимозависимости «мягкой» и «жесткой» силы. Однобокое укрепление «жесткой силы» и недооценка значения развития «мягкой силы» страны могут привести к ослаблению как внешнего, так и внутреннего ее влияния. В том случае, когда «жесткая сила» укрепляется без сопровождающего усиления «мягкой силы», совокупная государственная мощь сокращается.

Китайская стратегия умелого соединения «мягкой» и «жесткой» силы в политическом курсе страны идейно опирается на традиции древнекитайской философии — стратагемы Лао Цзы, конфуцианский принцип всеобщей

гармонии. К современным источникам китайской стратегии «умной власти» следует прежде всего отнести наследие Дэн Сяопина, один из заветов которого гласит, что Китай должен неуклонно продвигаться вперед, но быть при этом скромным, оставаясь в тени.

Современным вариантом стратегии «умной силы» стала доктрина «мирного возвышения Китая», разделяемая современным руководством страны. Китайская стратегия развития «мягкой силы» предполагает, что, когда к 2020 г. будет выполнена задача полного построения в Китае среднезажиточного общества, когда страна заметно повысит свою совокупную мощь посредством подъема экономики, науки и образования, ее привлекательная сила станет лидирующей в мировом масштабе. Кроме того, «мягкая сила» с китайской спецификой опирается на принцип «гармонии», который предполагает гармонию во всех областях жизни: гармония между человеком и природой, гармония между людьми, гармония между государствами.

Гармония рассматривается в качестве базового принципа устойчивого и эффективного развития. Принцип гармонии — это то, что создает Китаю господствующую моральную высоту в международных коммуникациях. На данном принципе выстраивается единство «мягкой» и «твердой» силы с китайской спецификой как внутри страны, так и за ее рубежами[16].

По мнению китайских политологов, существует неразрывная диалектическая связь между «твердой» силой и «мягкой» силой. «Мягкая сила» трактуется ими как мудрость, выраженная в ходе применения «твердой силы». Укрепление «твердой силы» сопряжено с увеличением «мягкой силы». И даже в том случае, когда «твердая сила» несколько укрепляется, совокупная государственная мощь может уменьшиться в связи с ослаблением «мягкой силы». С позиции данной теории китайские исследователи объясняют распад Советского Союза и анализируют его уроки. Главный исторический урок состоит в том, что Советский Союз в конце XX в. оказался под мощным влиянием «мягкой силы» Запада и не смог противостоять ему посредством

собственных инструментов «мягкой силы». Сегодня, по мнению исследователей, только Китай со своей стратегией строительства и развития «мягкой силы» в состоянии эффективно конкурировать с силами «мягкого» влияния стран Запада. С точки зрения внутренней политики строительство «мягкой силы» Китая благоприятствует поднятию национального духа, укреплению чувства идентичности народа страны, сохранению и развитию древней китайской культуры, достижению полного единства Китая[17].

С точки зрения внешней политики строительство «мягкой силы» Китая позволяет увеличивать его международное влияние, укреплять понимание между народами. Общая динамика развития китайской еsonomical «мягкой силы» такова, что в ближайшем будущем экономическое влияние Китая в регионе будет сравнимо с США и Японией. В Соединенных Штатах Китай уже опережает Южную Корею по уровню своей экономической привлекательности. Что касается «мягкой силы» гуманитарного капитала, связанного с популяризацией университетской системы образования и с уровнем развития научных технологий, то Китай пока еще отстает от Америки и Японии. В то же время жители стран Азиатского региона считают, что влияние китайского гуманитарного капитала вполне сравнимо с американской силой влияния. В сфере дипломатии Китай уже достиг больших успехов в применении инструментов «мягкой силы» в отношении своих ближайших соседей по Юго-Восточному региону. Наиболее слабым местом «мягкой силы» Китая считается политическая «мягкая сила», связанная с политическим устройством страны[18].

Вопросами продвижения государственного бренда посредством программных разработок национальной стратегии «мягкой силы» в последние годы весьма активно занимается правительство Японии.

Японская национальная модель «мягкой силы» получила название Cool Japan («Крутая Япония»). Термин Cool Japan в 2002 г. предложил американский журналист Дуглас Мак Грэй по аналогии с брендовым именем Cool Britannia, разработанным правительством Тони Блэра в 1990-х гг. для обозначения

креативного характера современной британской культуры и для названия стратегической программы по ее продвижению на международных рынках. В массмедиа и научных кругах термин Cool Japan начал широко употребляться в качестве маркера современной японской поп-культуры. В итоге Правительство Японии приняло данное название в качестве государственного бренда и обозначения японской стратегии мягкой силы. Бренд Cool Japan является способом продвижения Японии в мире как культурной державы, инструментом японской культурной дипломатии.

В декабре 2004 г. находящийся на посту премьер-министр страны Юниши-ро Коизуми учредил «фабрику мысли», которая должна была выработать рекомендации по продвижению японской культуры. В апреле 2005 г. правительство страны объявило, что к 2020 г. Япония должна превратиться в «культурную креативную нацию». Согласно данной установке Японии следует сконцентрироваться на развитии креативных технологий и индустрий. В сентябре 2005 г. преемник Юниширо Коизуми, Шино Абе, объявил во время своей избирательной кампании о том, что поп-культура — одна из основных сил внешнеполитического влияния Японии. Позднее было сделано уточнение: основными силами продвижения страны являются манга (художественно своеобразные японские комиксы) и дипломатия анимации (Manga and Animation Diplomacy). В этой связи для выдающихся иностранных аниматоров была учреждена Японская премия Манга (Japan Manga Award). Японские мультипликационные персонажи, такие как Doraemon и Hello Kitty, превратились в послов японской культуры, стали символами успеха культурной японской дипломатии.

В настоящее время доля Японии в производстве мировой анимационной продукции составляет 65 % [19]. Поддержкой японской индустрии в данной сфере целенаправленно занимаются 13 правительственных министерств и агентств, среди которых Министерство иностранных дел, Агентство культуры, Кабинет премьер-министра, Министерство экономики, труда и производства. Только в 2006 г. правительственными организациями было выделено 3,11

биллиона иен на продвижение японской анимации и поп-музыки в Китае [19]. В мае 2011 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии провело конференцию, на которой было решено оказывать государственную поддержку креативным отраслям, таким как реклама, архитектура, театральное искусство, арт, дизайн, кино, музыка/клипы, телевидение/радио, компьютерное программирование, издательское дело, моделирование одежды, прикладное искусство, игрушки (сюда относятся также аниме-фигурки), мебель, продукты питания, бижутерия, канцелярия. В ноябре 2011г. был проведен очередной симпозиум на тему Cool Japan, на котором обсуждались возможности применения стратегии Cool Japan для создания здорового японского общества.

Удачным примером государственной поддержки бренда Cool Japan можно назвать Всемирный Косплей Саммит (World Cosplay Summit), который проводится вот уже 9 лет и который получает поддержку в том числе и от Министерства иностранных дел Японии. Девиз Саммита «Манга — язык международного общения» [19].

В 2012 г. стартовал очередной международный проект Cool Japan, направленный на продвижение японской моды, суть которого — популяризация японской фэшн-культуры через создание модных магазинов в Китае, Южной Корее, Индии, Сингапуре, США, Франции. В рамках проекта — строительство торговых кварталов, имитирующих знаменитые токийские районы Гинза, Сибуя и Харадзюку. Ожидается, что с помощью данного проекта объем зарубежных продаж японских компаний, производящих модные товары, вырастет к 2020 г. до 130 млрд долларов.

Японская национальная модель «мягкой силы» под названием Cool Japan в последние годы стала предметом специальных научных исследований. В США, в Массачусетском технологическом институте, разработан исследовательский проект под названием Cool Japan, а во многих зарубежных университетах стали защищаться магистерские и докторские диссертации, написанные на эту тему. Благодаря эффекту Cool Japan, во всем мире возросло количество желающих изучать японский язык и японскую культуру. Именно

поэтому международный рейтинг бренда Японии, согласно данным компании Анхольта, оказался выше китайского бренд-рейтинга [19].

Стратегия «мягкой силы» Японии оказалась наиболее успешной в Азиатском регионе, и это несмотря на то, что в Китае и других странах Азии сохраняется память о японской колониальной политике и империалистическом прошлом страны. Однако при весьма критическом отношении к японской внешней политике жители азиатских стран продолжают активно покупать японские комиксы, компьютерные игры, телевизионные программы, альбомы поп-музыки, японскую анимацию.

При сравнении политических компонентов «мягкой силы» Китая и Японии аналитики отдают предпочтение японской модели «мягкой силы». Это объясняется тем, что китайская политическая система авторитарна и жестко иерархична, а потому не обладает демократической и правовой привлекательностью. Япония же, напротив, привлекательна своими либерально-демократическими политическими традициями.

В последние годы исследователи отмечают заметный рост «мягкой силы» Индии. Индийская политика либерализации существенно усилила ее экономическую мощь, а развитие ядерной энергетики укрепило ее военную мощь.

По мнению Дж. Ная, который образно назвал Индию «весенним тигром» (Springing Tiger), в глобальном соревновании между «мягкими силами» Китая и Индии наблюдается преимущество Индии в плане привлекательности ее политического и экономического образа. В работах, посвященных «мягкой силы» Индии, фиксируется поворот от образов «женственной» (слабой, пассивной) и «дикой» (отсталой) Индии, произведенных в эпоху британской колонизации, к образу «мягкой» Индии, где слабость и «женственность» превращаются во влиятельную политическую силу.

Первым, кто сформулировал концепт «мягкой силы» для Индии, был Махатма Ганди. Его стратегия борьбы против британского колониализма

опирается на философию ненасильственного сопротивления, которую сегодня считают идейной основой индийской модели «мягкой силы»[20].

В 1960-е годы. молодежное движение хиппи и популярная группа «Битлз» выступили в роли проводников в страны Запада «мягкой силы» Индии, поскольку в своей идеологии осуществляли широкие заимствования из индийской философии и музыкальной культуры. Именно в эти годы начинается «исход» хиппи в Индию, вырастают колонии хиппи на территории Гоа.

В настоящее время основными ресурсами «мягкой силы» Индии считаются:

- 1) древнеиндийское историко-культурное, философско-религиозное наследие и духовно-физические практики (йога, дзен-буддизм);
- 2) индийское музыкальное, пластическое и кулинарное искусство;
- 3) Болливуд (индийский аналог американского Голливуда);
- 4) Бангалор (нарицательное имя офшорных зон по производству новейших информационных технологий, символическое название «фабрики мысли»);
- 5) мирные ядерные технологии;
- 6) высокая репутация индийских образовательных экономических и технологических центров (Индийский институт менеджмента, Индийский технологический институт и др.);
- 7) The Boy Next Door (буквальный перевод — «мальчик-сосед») — название индийско-американского сообщества, насчитывающего более 2 млн человек, которые сотрудничают в сферах банковского бизнеса, топ-менеджмента, высоких технологий, организации бизнес-школ;
- 8) политический плюрализм и делиберативная политика, обеспечивающие защиту прав этнических меньшинств и мирное разрешение социальных конфликтов.

Сегодня наряду с Китаем Индия предлагает одну из самых динамичных альтернатив западным культурным ценностям. Индийская киноиндустрия выпускает ежегодно более 1000 фильмов. Благодаря спутниковому телевидению и Интернету фильмы Болливуда и индийские сериалы становятся

достоянием широкой публики. В составе успешного культурного индийского экспорта – упражнения йоги, специи и блюда индийской кухни.

За последние пять лет Правительство Индии целенаправленно внедряет культурную составляющую в свою международную политику. В настоящее время Индийский совет по культурным отношениям создал 22 культурных центра в 19 странах мира, которые занимаются организацией фестивалей индийского кино и искусства, выставок, книжных ярмарок, продвигая мультикультурный и плюральный образ Индии[21].

Кроме того, ведется международная пропаганда языка хинди. Активно используется также такой ресурс «мягкой силы», как продвижение индийских информационных технологий за рубежом и недорогое, но качественное университетское образование для иностранцев. Именно на этот вид ресурсов Индия делает ставку в странах Африки. В отличие от США, Европейского Союза и Китая, Индия во внешней политике не рассматривает свою модель «мягкой силы» в качестве образца для подражания. В то же время отстаивание национальных интересов страны в Азиатском регионе заставляет политические круги Индии вырабатывать такую внешнеполитическую стратегию, которая могла бы составить конкуренцию «мягкой силе» Китая. Именно в этом направлении в настоящее время работает интеллектуальная мысль Индии.

Рассмотренные стратегии «мягкой силы» демонстрируют, насколько актуальным для правительств азиатских стран сегодня является продвижение и укрепление собственных государственных позиций на разнообразных мировых рынках посредством развития ресурсов «мягкой силы». Опыт Китая, Японии, Индии и Южной Кореи в области выстраивания национальной модели «мягкой силы» может стать полезным и для России, которая пока еще делает первые шаги в плане комплексного применения национальных ресурсов «мягкой силы» в целях продвижения своего собственного бренда.

Подведем итоги первой главы.

Категория силы – одна из древнейших. Она заявила о себе, наверное, тогда, когда в мире еще не было государств, а человечество делилось на расы,

племена и родовые общности. С появлением государств это понятие было легитимизировано. В языке некоторых народов до сих пор слова «сила» и «государство (власть)» означают практически одно и то же – в английском, например. В теории международных отношений «сила» является точкой отсчета большинства концепций политического мышления.

«Мягкая сила» рассматривается как концепт политической науки, который применяется для анализа мягких инструментов политического влияния государств в условиях глобальной конкуренции. Основным инструментом «мягкой силы» является привлекательный имидж страны. «мягкой силы» — это способность государства перетягивать на свою сторону другие государства путем демонстрации ценностей и достижений в разных областях жизни.

Антитезой «мягкой силы» выступает «жесткая сила», к которой относятся инструменты военного и экономического давления. Диалектическое соединение «мягкой» и «жесткой» силы в государственной стратегии обозначается понятием smart power («умная сила»).

В разных странах набор инструментов «мягкой силы», направленный на формирование и продвижение собственного государственного влияния, несет в себе яркие черты национальной специфики. В этой связи имеет смысл говорить о существовании национальных моделей «мягкой силы», главная задача которых – укрепление экономических, политических, культурных и иных позиций государства на международной арене.

Озабоченность государств проблемами влияния на мировой арене продиктована задачей повышения их конкурентоспособности в условиях усиливающейся глобализации и борьбы за новую конфигурацию миропорядка.

Примечания:

1. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения. // Свободная мысль - XXI. 2004. № 10.; С. 123.
2. Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006. С. 201-223.
3. Nye J. The Means to Success in World Politics. NY. 2004. P. 329.

4. Най, Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. С. Най. – М.: Фонд «Тренды», 2006. С. 224.
5. Киртон, Дж. Дж. Основные концепции изучения роли Европейского союза в «Группе 8» Дж.Киртон / Европейский союз и «Группа 8»: совместная ответственность за глобальное общественное благо: коллективная монография. – М.: Изд-во НИУ ВШЭ. 2010. С. 30-44.
6. Зевелев И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2. Научно-образовательный форум по международным отношениям. Москва, 2006. С. 267-243.
7. Kearn, David W. The hard truths about soft power // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4, No. 1. Apr.
8. Ying Fan. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy, vol. 4 (2008), №. 2. P 148.
9. Geun Lee. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Korean Journal of Defence Analysis. 2009. Vol. 21, № 2. June. C.207-208.
10. Holl Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analitical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. C.208-211.
11. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quartery. 2011. Vol. 126. Num. 2. Summer. C.232-234.
12. Whitney Ch., Shambaugh M. David. Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion The Chicago Council on Global Affaires, 2008. P 209.
13. Who Rules the World? The Top 20 in Full. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2234726/Britain-tops-global-soft-powerlist.html>. Britain-tops-global-soft-power-list
14. Леонова О. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства//Обозреватель, 2013, №4. С.27-35
15. Heng Yee-kuang Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evoluating Japanese and Chinese strategies in the 'soft' power competition era // International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 10 (2010). P.49-57.
16. Материалы к заседанию Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации. Образование как инструмент «мягкой силы» и «умной власти» во внешней политике России URL: http://www.budgetrf.ru/Publication/Magazines/VestniksF/2012/VSF_NEW201210191208_p_003.htm (дата обращения: 08.02.2015)
17. Цзаяйцы Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. С.151.
18. Там же. С.154.
19. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quartery. 2011. Vol. 126. Num.2. Summer.
20. Kona Yuki. Новая политика японского правительства Cool Japan // Cool Japan Journal. 30.01.2012. URL: [www//.http:j.cooljapan.ru/archives/4183](http://www.j.cooljapan.ru/archives/4183)

21. Русакова О. Ф., Soft power как стратегический ресурс: опыт стран Азии//Тренды современного политического процесса, 2013. С.34-35.
22. Wagner Christian. Indias' Soft power: Prospects and Limitations // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2010. URL: <http://iqq.sagepub.com/content/66/4Z 333>.

Глава 2. Проблемы реализации «мягкой силы» на примере США и ЕС

2.1 Генезис политики мягкой силы в США и ЕС

Многие американские президенты, и прежде всего такие выдающиеся деятели, как Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт, Джон Кеннеди, Уильям Клинтон, уделяли большое внимание продуцированию и использованию «мягкой силы», имиджу страны во внешнем мире. Они понимали, что способность привлекать других и управлять общественным мнением является элементом силы, они сознавали важность «мягкой силы». Достаточно вспомнить пакт Бриана – Келлога, Лигу Наций, Атлантическую хартию, создание ООН, «план Маршалла», демократизацию Германии и Японии после Второй мировой войны, расширение НАТО на восток. Все эти деяния, инициированные прежде всего США, способствовали росту их международного престижа, увеличению потенциала «мягкой силы».

Соединенные Штаты сегодня - самая большая национальная экономика в мире, почти половина из 500 ведущих глобальных компаний – американские, что в 5 раз выше показателя Японии, идущей второй в этом списке. Из сотни ведущих глобальных брендов - 62 американские, из десятки лучших бизнес-школ в мире восемь принадлежат американцам. США привлекают почти в 6 раз больше иммигрантов, чем идущая за ними Германия. Они занимают первое место в экспорте кинофильмов и телевизионных программ. Из 1,5 млн. студентов, которые учатся в университетах за пределами своих стран, 28% завершают свое образование в США. Примерно 90 тыс. зарубежных ученых работают в американских университетах. Соединённые Штаты выпускают книг больше, чем любая другая страна. Они продают в 2 раза больше музыкальных дисков и имеют в 13 раз больше веб-сайтов, чем идущая за ними Япония. США занимают первое место в мире по количеству нобелевских лауреатов в области естественных наук и экономики и следуют за Францией по числу нобелевских

лауреатов в области литературы, они публикуют почти в 4 раза больше научных и журнальных статей, чем следующая за ними Япония. Нельзя забывать мощь и влияние американских НПО, которые во все большей степени влияют на формирование как внешней, так и внутренней политики страны, осуществляют гражданский контроль за деятельностью официальных властей. Стоит вспомнить, что президента Никсона «свалили» (почти доведя дело до импичмента) два американских журналиста, раскрутивших «Уотергейтский скандал». В наши дни Вашингтон вынужден был прикрыть тюрьму в Гуантанамо фактически под влиянием общественности.

При этом надо учитывать, что американское лидерство имеет место далеко не на всех направлениях, формирующих потенциал привлекательности. Япония тратит большую долю ВВП на исследование и разработки. По продолжительности жизни США находится в конце перечня развитых стран, они не лидируют по объему помощи бедным странам, оказываемой по программе развития ООН, и они находятся в начале списка государств по проценту населения, заключенного в тюрьмах.

И тем не менее США, опираясь на культуру, идеалы и политические стратегии, в прошлые годы не раз использовали «мягкую силу» для повышения своего внешнеполитического влияния, для достижения своих внешнеполитических целей ненасильственным путем. Достаточно привести пример Центральной и Восточной Европы, общественное мнение которой в процессе «бархатных революций» резко повернулось в стороны США. Молодежь за «железным занавесом» открывала для себя американскую литературу, слушала американскую музыку по радио «Свобода», носила джинсы, имитировала манеру поведения американской молодежи, прежде всего ее активный оппозиционный настрой.

Несмотря на значительный критический настрой мирового сообщества относительно ряда внешнеполитических акций США, многие американские ценности такие как либеральная демократия, права человека, раскрытие возможностей индивидуальности, состязательность в процессе принятия

политических решений – оказались привлекательными для многих народов, национальных политических элит. Эта привлекательность (за редким исключением, например, Германии и Японии после Второй мировой войны) не была навязана извне. Она (по контрасту) возникала от знания в результате соприкосновения различных ценностей и культур. В условиях жестко «управляемой демократии», отсутствия гражданского общества и реальной оппозиции «мягкая сила» объективно, возможно невольно, сама начинала выполнять функции оппозиции. Например, правящая элита России, обычно высокомерно игнорирующая критические настроения собственного общества, крайне болезненно реагирует на любую критику со стороны Запада.

Согласно концепции Дж. Ная, первый «столп» американской ресурсной базы «мягкой мощи» – привлекательность американской культуры и образа жизни. Автор указывает на лидерство США по таким показателям, как численность принимаемых эмигрантов, объем выпускаемой телепродукции, популярность американской музыки, численность иностранных студентов в США и количество американцев среди нобелевских лауреатов в области физики, химии и экономики.

Второй «столп мягкой силы» США – американская политическая идеология, которая находит отклик во многих странах. В понимании большинства исследователей основные ценности США составляют на сегодняшний день либеральная демократия и рыночная экономика.

Именно этот нормативно-идейный комплекс США и пытаются распространить на другие страны посредством «мягкой силы», то есть, не навязывая их силовым путем, а предлагая их в качестве более привлекательной альтернативы. Для этого, как полагает Дж. Най, «Госдепартамент США должен поощрять культурные и обменные программы, которые позволяют напомнить людям о некоммерческих аспектах американских ценностей и культуры. В равной мере теле- и радиотрансляции правительства США на другие государства должны способствовать росту доверия к Америке и американской «мягкой силе»[1].

Кроме арсенала «публичной дипломатии» в понятие «мягкой силы» Дж. Най также включает, например, «дипломатические усилия» по разрешению кризиса, противопоставляя их применению санкций или военной силы». Согласно теории Най, основой «мягкой силы», является кропотливая, каждодневная работа «на местах», а не «извне», направленная на выстраивание долгосрочных доверительных отношений. При этом особый акцент американский политолог делает на «деятельность неправительственных организаций по лоббированию интересов государства за рубежом». Най, в частности, считает, что «начиная от Голливуда и до высшего образования гражданское общество делает больше для представления США другим народам, чем это делает правительство.

Голливуд часто изображает общество потребления и насилие, но он также продвигает ценности индивидуализма, социальной мобильности и свободы (включая свободы для женщин). Эти ценности делают Америку привлекательной в глазах многих людей за рубежом»[2].

Наконец, в рамках концепции Най, исключительная роль распространению «мягкой силы» отводится информационным коммуникациям. Дж. Най проводит связь между информационной эпохой и появлением «мягкой силы» как «практического инструмента в мировой политике». Он считает, что значение «мягкой силы» по отношению к военной и экономической возросло в информационную эпоху, «основанной на быстром технологическом прогрессе в средствах связи и компьютерном обеспечении»[3].

Все эти рычаги «мягкой силы» США, с точки зрения Дж. Най, должны использовать для распространения не силовым путем, а за счет собственной привлекательности такие свои догматы, как личная свобода, мобильность и динамичность общества, состязательность в формировании власти и политики, открытость, становящаяся чертой национального характера, доступность высшего образования, политическая культура общества.

Американские администрации своими действиями (объективно, часто независимо от собственного желания) могут либо усиливать, либо подрывать

эффект «мягкой силы» на международной арене. «Самонадеянность (уместно вспомнить о «самонадеянности силы»), о которой в конце 1960-х годов писал влиятельный тогда У. Фулбрайт), безразличие к мнению других, корпоративный подход к пониманию собственных национальных интересов, принятые на вооружение новыми апологетами односторонности, - кратчайший путь к подрыву основ американской «мягкой силы», - предупреждает Дж. Най[4]. К сожалению, соотношение «жесткой» и «мягкой» силы в общей силовой ориентации внешней политики США складывается не в пользу последней.

В рамках темы исследования будет интересно рассмотрение различных этапов реализации политики «мягкой» и «твердой» силы в политике США.

Прежде чем рассматривать арсенал мер «мягкой силы», использованный администрацией Дж. Буша-мл. для исправления непростой внешнеполитической ситуации, следует сначала проанализировать те факторы, которые привели к усилению критики генерального курса внешней политики при Дж. Буше-мл.

Внешнеполитический курс Дж. Буша-мл. опирался, прежде всего, на американское военное превосходство (стремление США укреплять свою военную мощь, чтобы сохранить статус единственной мировой сверхдержавы) и готовность действовать в одиночку, если для достижения своих внешнеполитических целей Соединенным Штатам не удастся достичь многостороннего сотрудничества. Кроме того, Дж. Буш-мл. неоднократно подчеркивал, что не отрицает идею превентивной войны - готовности наносить военные удары до того, как в отношении США и их союзников будут предприняты агрессивные действия. Такой подход был официально и открыто закреплен в Стратегии национальной безопасности США (так называемой «доктрине Буша»), обнародованной в 2002 году. В одной из статей «Русского Журнала» эта стратегия была названа «квинтэссенцией» неоконсервативной внешнеполитической философии[5], поскольку ее фундаментальным

основанием было оправдание распространения демократии посредством силовых действий для обеспечения безопасности США.

Подобную оценку разделяет С. А. Караганов, который характеризует данную доктрину превентивных ударов как «доктрину отказа США от действий в рамках постоянных союзов в пользу временных коалиций, ставки на силовую гегемонию (развертывание ПРО, прекращение процесса разоружения)»[6]. Такая стратегия, нацеленная, в первую очередь, на «обеспечение максимальной свободы рук и выстраивание ориентированной на Вашингтон системы глобального регулирования», с точки зрения Караганова, завела политику США в тупик, «ослабила способность ощущать лидерство, в том числе посредством «мягкого» влияния, попутно подорвав международную стабильность и безопасность».

Ясно, что такой внешнеполитический курс не мог не натолкнуться на критику со стороны других стран, в том числе даже союзников США. Всё больше усиливалось недовольство по поводу возрастающего доминирования США во всех сферах международной жизни, и в особенности вследствие стремления американцев вмешиваться во внутренние дела других.

Критическую позицию по отношению к концепции однополярного мира заняла и Франция. Как подчеркнул президент Ширак на конференции послов во Франции в 2002 г., он стоит за «создание подлинно многополярной международной системы»[7].

В этом контексте следует упомянуть и военную интервенцию США против Ирака, явившуюся одним из самых опасных проявлений доктрины Дж. Буша мл. Данную военную акцию осудили не только Россия и целый ряд стран, не входящих в НАТО, но и такие близкие союзники США, как Франция и Германия. Сложившуюся в то время ситуацию профессор С.А. Караганов описывает следующим образом: «США, которые, как казалось в 1990-е гг., обречены на единоличное лидерство и даже гегемонию в мире, катастрофически подорвали собственные позиции. Иракская авантюра показала относительную внешнеполитическую неэффективность военного

превосходства, восстановила большую часть мира против Америки, связала ей руки. Ужасающий урон понесла «мягкая сила» Соединенных Штатов – привлекательность американской модели... В Ираке США не поддерживали почти никто, кроме небольшой группы откровенных сателлитов и одного союзника – Великобритании»[8].

Кроме того, администрация Дж. Буша мл. открыто делала ставку на продолжение гонки вооружений. Об этом свидетельствуют финансовые отчеты министерства обороны США: при Буше мл. произошёл колоссальный скачок в сфере военных расходов, которые, например, в 2005 году с учётом дополнительных ассигнований на войну в Ираке составили 433 млрд. долл. Это больше, чем в пик гонки вооружений в эпоху Холодной войны при Рейгане (400 млрд. долл. в ценах 2005 г.). При Буше мл. почти в 2 раза выросли расходы на противоракетную оборону. В 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, что вызвало резкую критику, прежде всего, со стороны России.

Критика развернулась и вокруг системы противоракетной обороны территории США (НПРО) (англ. National Missile Defense — NMD), когда в 2004 г. Пентагон разместил шесть ракет-перехватчиков на Аляске и в Калифорнии (всего предлагалось разместить там 18 перехватчиков). Еще большее недовольство вызвало решение администрации Дж. Буша в конце 2006 — начале 2007 гг. разместить элементы системы ПРО в Восточной Европе.

Подобное намерение администрации Дж. Буша натолкнулось на резкое противодействие со стороны российского руководства, которое указало не только на непосредственную близость планируемой НПРО к территории РФ, но также на непосредственное вмешательство американцев во внутренние дела таких постсоветских государств, как Грузия и Украина.

После переизбрания Дж. Буша-мл. на второй срок руководство США предприняло целый ряд мер для исправления имиджа страны, изрядно пострадавшего от «жесткого» курса администрации Буша мл. В январе 2005 года на пост Государственного секретаря США была назначена Кондолиза

Райс. Возглавив Государственный Департамент США, К. Райс начала целый ряд крупных реформ и преобразований как в своем департаменте, так и в дипломатии США в целом.

Предпринятые администрацией Дж. Буша мл. меры были направлены, прежде всего, на усиление «публичной дипломатии». При этом администрация Дж. Буша уделяла особое внимание двум основным направлениям «публичной дипломатии»: радио- и телевещанию и информационным технологиям, а также образовательным программам. Первое направление необходимо для установления собственной интерпретации событий, а также для утверждения универсального характера ценностей и идеологии государства и донесения их до иностранной аудитории. Образовательные программы предназначены для установления долгосрочных связей на уровне обществ; в них входят в том числе многочисленные культурные программы, а также программы по обмену. Примером может послужить программа FLEX (Future Leaders Exchange), спонсируемая правительством США для привлечения в страну молодежи или классическая американская программа подготовки интеллектуальной и политической элиты «Фулбрайт».

Если в начале 90-х годов подобные программы были нацелены на молодежь с постсоветского пространства, то в годы президентства Дж. Буша мл. особый упор стал делаться на распространение американских ценностей в арабском мире. Таким образом, стратегия культурных и образовательных обменов, направленная на развитие более открытого и богатого гражданского общества на Ближнем Востоке должна была стать основным направлением деятельности американской публичной дипломатии. При ее осуществлении особый упор должен был быть сделан на неправительственный сектор. «Корпорации, фонды, университеты и другие некоммерческие организации могут взять на себя выполнение большей части работы по формированию открытого гражданского общества... Они могли бы заниматься поощрением изучения английского языка и финансировать студенческие обмены»[9].

Полагалось, что «должно произойти революционное изменение всей философии образовательной системы в большинстве государств Ближнего Востока. Реформа образования должна состоять не в заучивании и воспроизведении текстов, а в поощрении критического мышления, независимых суждений и сомнения в обыденной мудрости»[10].

В этот период администрация Дж. Буша делала особый упор на главное структурное подразделение Госдепартамента в области «публичной дипломатии» - Управление по публичным делам (Bureau of Public Affairs), основная задача которого как раз и заключается всемерно содействовать улучшению имиджа США на международной арене и разъяснять внешнеполитические цели США как внутри страны, так и за рубежом.

В 2005 - 2007 гг. Управление по публичным делам, находящееся в ведении заместителя госсекретаря Катрины Хьюз, осуществило ряд мер для активизации и расширения своей деятельности. В частности, были созданы американские информационные центры в Лондоне.

Дубае и Брюсселе. Объем американского электронного вещания в Европе и на Ближнем Востоке возрос на 25%. По мнению Госдепартамента, эти центры «обладают колоссальным воздействием, обеспечивая регулярное появление американских политиков в новостных выпусках ТВ и радио, также как и их участие в ток-шоу в Европе и на Ближнем Востоке»[11].

Для более эффективной работы структур, ответственных за «публичную дипломатию», администрация Дж. Буша мл. усилила финансовые ассигнования в эту сферу. Так в 2007 году в рамках бюджетного финансирования международных операций США на цели «публичной дипломатии» было направлено 351 млн. долл. [12]. В период второго срока Дж. Буша ежегодно происходило значительное увеличение средств, направленных, прежде всего, на образовательные программы и программы по культурному обмену, привлекая тем самым все большее число выходцев из разных стран. Особое внимание уделялось при этом финансированию ближневосточного направления в рамках программы диалога между Западом и Ближним Востоком (Middle

Eastern-Western Dialogue – Program). Более активно стала спонсироваться миграционная политика и помощь беженцам, особенно из стран арабского мира. Таким образом, администрация Дж. Буша мл. стремилась привлечь «недовольных» авторитарной политикой восточных правителей на свою сторону, распространяя на участников данных программ свои демократические ценности».

К рассматриваемому периоду времени относится также появление во внешнеполитической стратегии США так называемой «дипломатии преобразований» (transformational diplomacy), которую в январе 2006 года провозгласила Кондолиза Райс. В отличие от традиционной, «дипломатия преобразований» была нацелена не только на информирование руководства США «о состоянии дел в мире», но и на «изменение самого мира» для создания демократических режимов. Это мотивировалось тезисом о том, что «недемократические государства» представляют угрозу национальной безопасности США и международной безопасности в целом.

Таким образом, администрация Буша мл. попыталась включить методы «мягкой силы» в общий курс, проводимый в «неблагонадежных» странах. Прежде всего, это касалось исламского мира. Так, используя методы публичной дипломатии для разъяснения своих интересов, США стремились привлечь на свою сторону умеренное большинство в мусульманских странах. Яркая иллюстрация тому - программа «Большой Ближний Восток», развернутая администрацией Дж. Буша мл. с целью распространить в Иране, Афганистане, Пакистане и государствах Магриба западной демократии как инструмента, который мог бы быть стать противовесом распространению в регионе исламского фундаментализма. Как пишет Караганов, «регион является главным поставщиком как энергоресурсов на мировой рынок, так и угроз исламистского терроризма и распространения ОМУ. Именно там осуществляются ключевые проекты США: государственное строительство в Ираке и Афганистане и решение проблемы ядерной программы Ирана». Демократизация же этого региона – «квинтэссенция внешней политики» администрации Дж. Буша -

«потерпела крах». «Американские позиции в регионе ослабли, влияние же противников США, в первую очередь Ирана, усилилось»[13]. И этому есть логическое объяснение.

С точки зрения Запада, идея ограничения власти шейхов, наследственных принцев и монархов в странах Персидского залива, а также военизированной национал-социалистической верхушки в арабских республиках – вполне оправданная и служащая на благо всему человечеству. Но проблема в том, что с точки зрения последних, подобная инициатива США - недопустимое вмешательство в суверенные дела их стран. Например, саудовские принцы, контролирующие колоссальные средства, были заинтересованы в сохранении «статус кво». Активное сопротивление инициативе Бушем мл. программа вызвала и в рядах сирийских генералов и иранских мулл.

Таким образом, можно утверждать, что то, что с американской точки зрения должно было расположить к ним умеренное большинство в арабском мире, наоборот, вызвало еще большее недовольство и даже в определенной степени способствовало усилению в регионе радикально настроенных течений. И это несмотря на то, что в принципе демократизация региона предполагала не только ограничение власти местных элит, но и интеграцию «Большого Ближнего востока» в мировую экономику, открытия этих стран для мировых средств массовой информации и более активное внедрение в регионе института защиты прав человека.

Наконец, в рамках предпринятых администрацией Дж. Буша мл. действий по распространению демократии во всем мире видится важным затронуть такой феномен как «цветные революции», представляющие собой серию массовых, главным образом, уличных беспорядков и протестов населения и завершающихся сменой политического режима.

Стоит отметить, что США если не инициировали, то активно стимулировали «цветные революции» в «недемократических», с их точки зрения, постсоветских странах под лозунгом демократизации их политических режимов. Так в 2003 году произошла «Революция роз» в Грузии, в 2004 –

«Оранжевая революция» в Украине, в 2005 — «Тюльпановая революция» в Киргизии. Подобные «цветные революции» пользовались не только идеологической, но и значительной финансовой поддержкой американской стороны. Что касается ситуации в Киргизии, то вообще, по мнению Караганова, наряду с концепцией «Большого Ближнего Востока» США негласно стремились претворить в жизнь концепцию «Большой Центральной Азии» (объединение стран региона в один независимый, первую очередь от России, геополитический блок и «привязке» его к Пакистану и Афганистану), которая вместе с программами по расширению НАТО должна была стать ключевым инструментом реализации американской политики на постсоветском пространстве[14].

Как бы не называлась проводимая Соединенными Штатами в регионе политика, ясно одно: подобное поощрение «демократических», с точки зрения Запада, перемен в бывших социалистических странах нередко трансформируется в подталкивание оппозиционных прозападных политических сил в той или иной стране к организации массовых протестов недовольного населения с целью принудительного отстранения от власти «неудобных» для Соединенных Штатов лидеров. Другими словами, мирные и дипломатические методы «продвижения демократии» на деле оказываются не столь уж ненасильственными и дипломатичными. Соответственно, спорным является вопрос, можно ли отнести «цветные революции» к арсеналу «мягкой силы», поскольку они представляют собой явное вмешательство во внутренние дела других стран, что не может не противоречить общепризнанным международным нормам.

Годы президентства Дж. Буша-мл. показали, что использование «мягкой силы» было не в состоянии минимизировать тот эффект, который нанес «жесткий» подход во внешней политике сверхдержавы на ее образ за рубежом.

Администрация Дж. Буша-мл. приняла целый ряд мер, направленных на преобразование «неблагонадежных» стран, и прежде всего, мусульманского мира посредством продвижения демократии, рыночной экономики и других

постулатов американской идеологии. Однако руководство в Вашингтоне не осознавало тот факт, что американская модель демократии, которая, с их точки зрения, носит универсальный общечеловеческий характер, не всегда соответствует международной системе, обладающей колоссальным разнообразием. США, выдвинувшие «единственно работающую модель» национального успеха, основанную на свободе, демократии и свободном предпринимательстве, не учитывали то обстоятельство, что, например, в мусульманском мире, преобладает совсем другая шкала ценностей. Поэтому безуспешной оказалась развернутая американцами программа по демократизации Ближнего Востока.

Надежды на перемены во внешнеполитическом курсе страны, на попытку сбалансировать «жесткую» политику «мягкой силой» связывались с политикой преобразований в годы второго срока Дж. Буша мл. на посту президента США. Однако если посмотреть на предпринятые меры спустя немногим шесть лет, становится очевидным, что подобные меры оказались уже не в состоянии исправить сложившуюся ситуацию. Как показала практика, стратегия упреждающих (preemptive) ударов оказалась весьма ресурсозатратной и не была поддержана международным сообществом.

В итоге, все усилия администрации Дж. Буша мл. внедрить методы «мягкой силы» оказались недостаточными для того, чтобы исправить образ США за рубежом. И главная причина тому видится в том, что администрация США ограничилась лишь внесением «мягких» дополнений в свой внешнеполитический курс, не внося необходимых корректив в основную, «жесткую» линию внешней политики США, а также в том, что американская администрация того времени не учитывала всё разнообразие международной системы.

В самом деле, на рубеже столетий, несмотря на значительные внешнеполитические ресурсы, привлекательность США для остального мира и, соответственно, возможности использования ими «мягкой силы» резко пошли на убыль. Опросы свидетельствуют о сильном спаде популярности США даже

в таких странах, как Великобритания, Германия, Италия, Испания, которые традиционно поддерживали американское правительство на крутых поворотах послевоенной истории. Особенно резко авторитет США упал в мусульманских странах. В Индонезии, например, крупнейшем исламском государстве мира, в ходе опроса, проведенного в 2007 г., 75% населения утверждали, что они хорошего мнения о США и готовы брать их за образец политического устройства. В 2012 году рейтинг американской популярности в этой стране упал до 15%. При этом сотрудничество с исламскими странами чрезвычайно важно, если США и их союзники хотят победить в длительной войне с терроризмом.

Существует целый ряд причин, серьезно девальвировавших «мягкую силу» США.

Во-первых, в сознательном подходе нынешнего американского руководства к воздействию на внешний мир резко возросло использование «жесткой силы», в то время как опора на «мягкую силу» значительно уменьшилась. В структуре, используемой «жесткой силой» предпочтение отдается ее наиболее грубой форме - военной силе, военному подавлению оппонента, навязыванию своей воли путем задействования вооруженных сил. Некоторые эксперты пытаются объяснить жесткость Вашингтона необходимостью твердости и решительности в борьбе с международным терроризмом. Наверное, это не всегда так. К тому же военная сила в качестве основного внешнеполитического инструмента была задействована США и задолго до 11 сентября 2001 г. она была, например, применена в марте 1999 г. по направлению к югославскому президенту Слободану Милошевичу. Жесткостью был отмечен и подход США к Ирану и Северной Корее. Чтобы «жесткая сила» работала, потенциальный противник (соперник) должен всегда сознавать, что в случае чего его ждет ужесточение позиции со стороны США. Чтобы потенциальный противник думал именно так, а не иначе, необходимо время от времени пускать в ход «жесткую силу». Наверное, поэтому американская стратегическая культура редко позволяет Вашингтону быть

искренним международным посредником, умеющим сблизить позиции сторон. Она чаще подталкивает Белый дом к тому, чтобы принять сторону в международном конфликте или навязать свое видение решения проблемы.

Второй причиной девальвации «мягкой силы» США является нелегитимность ряда его внешнеполитических акций. В последние годы международные отношения, мировая политика развиваются в сторону укрепления системы, основанной на нормах, правилах, в конечном счете - праве и соответствующих институтах, обеспечивающих их функционирование. В свое время США стояли у истоков этого нормативного направления, и это способствовало росту их международного престижа, опоре внешней политики на «мягкую силу». К нормам, утверждающимся в рамках данной системы, относится и сила, прежде всего военная, которая, согласно статьям 42 и 51 Устава ООН, может быть использована только определенных обстоятельствах. Нынешнее руководство США, полагая, что именно оно наиболее полно выражает национальные интересы не только свои, но и всего мирового сообщества, весьма вольно (односторонне) толкует суть этих статей. Это привело к тому, что на протяжении последнего десятилетия Вашингтон неоднократно осознанно нарушал Устав ООН, нелегитимно использовал военную силу на международной арене, создавая тем самым нездоровый прецедент, подрывая правовую основу рождающейся нормативной системы международных отношений, в которой «мягкая сила» призвана играть центральную роль.

Третьей причиной девальвации «мягкой силы» в политической практике США является их сверхдержавный статус. Отсутствие во внешнем мире сопоставимого конкурента снимает с повестки дня международных отношений состязательность как основу здорового политического процесса. Это создает у американской политической элиты соблазн вседозволенности и подталкивает ее к решениям, сулящим быстрый и легкий успех. Американское лидерство по ряду направлений современного развития создаёт в Вашингтоне иллюзию, о своей правоте в подходе к решению любой международной проблемы и потому

может использовать для этого любые средства. Создается иллюзия, что Милошевич пошел на уступки не под влиянием мирового сообщества, а исключительно в результате американских бомбардировок и ракетных обстрелов, при использовании «жесткой силы». Значит, и с Саддамом Хусейном, и с Ким Чен Ир, и с Ахмадинежадом следует поступить аналогичным образом, и результат будет таким же. «Жесткая сила» дает быстрые результаты, а современные войны (высоких технологий) слишком дорогостоящи, чтобы можно было вести их более месяца. Поэтому мягкие методы, требующие терпения и времени, ныне в Вашингтоне применяются редко.

Четвертая причина слабая поддержка идеологии и практики «мягкой силы» со стороны государства В 2005 г. «группа советников Пентагона пришла к выводу, что в «информационной войне» на международной арене США потерпели неудачу... Битву за сердца людей они пока что проигрывают»[15]. По их мнению, неудача была обусловлена, помимо всего прочего, и слабой материальной поддержкой этой идеи. С 2012 г. по 2014 г. США израсходовали на цели публичной дипломатии в мусульманских странах всего 150 млн. долл., тогда как общие расходы Госдепартамента США на публичную дипломатию за эти два года составили более 1 млрд. долл., включая расходы на международное радиовещание. Это примерно столько же, сколько расходуют на эти цели Великобритания или Франция - страны, которые примерно в 5 раз меньше Соединённых Штатов. Причём у каждой из этих двух стран расходы на «мягкую силу» составляют около 25% их военного бюджета. США же тратят на «жесткую силу» в 450 раз больше, чем на «мягкую». Таким образом, увеличение всего на их военного бюджета означало бы четырехкратный рост расходов на «мягкую силу». Ясно, чтобы одержать победу в борьбе с международным терроризмом, Вашингтону придется научиться лучше согласовывать идейные ценности со своими действиями и затратами на международной арене[16].

Американское политическое мышление в принципе не отрицает важности использования в определённых обстоятельствах «мягкой силы». Но усиливающаяся ориентация Вашингтона на односторонность, стремление приравнивать свои национальные интересы к мировым, слушать себя, а не других, приводит к тому, что нынешняя американская администрация отдаёт предпочтение применению прежде всего «жесткой силы» на международной арене.

С приходом Барака Обамы к власти, многие ожидали отхода от политики «жесткой» силы. В этой связи, знаменательны как заявление Хилари Клинтон о приоритете использования дипломатических методов в проведении внешней политики, так и ее критика администрации Джорджа Буша-мл. за принижение роли контроля над вооружениями. «Америка не может решать наиболее актуальные проблемы в одиночку, и мир не может решать их без участия Америки. Наилучшим способом продвижения интересов США, заключающихся в сокращении глобальных угроз и охвате глобальных возможностей, является разработка и реализация глобальных решений. Это не философская точка зрения. Это наша реальность». Для того, чтобы это стало возможным, Клинтон призвала применить «умную» силу, которая «включает в себя стратегическое использование дипломатии, процесса убеждения, наращивание потенциала, а также использование силы и влияния только в тех случаях, когда это является рентабельным и имеет политическую и социальную легитимность».

Однако, если мы обратимся к финансированию из федерального бюджета, то обнаружим, что по статье расходов «Международные дела», включающей в себя международное развитие и гуманитарную помощь, содействие международной безопасности, проведение курса внешней политики и международные финансовые программы, в 2015 г. по предварительным подсчетам выделено 55.172 млрд. долл. Для сравнения, на нужды Министерства Обороны было выделено 768.217 млрд. долл., что более чем в 13 раз превышает расходы по всем направлениям дипломатии. Также не стоит

забывать и о политике превентивной войны, которая немыслима без использования «жесткой» силы, дающей результат в относительно короткие сроки.

Вышеприведенные обстоятельства дают все основания полагать, что, несмотря на заявления о приоритете использования «мягкой» силы, Соединенные Штаты на практике отдают и будут отдавать предпочтение «жесткой».

Внешняя политика Европейского союза долгое время строилась на презумпции разделения труда в европейском пространстве и передаче функций в области жесткой безопасности НАТО. Ресурсы внешней политики ЕС выстраивались в строгом соответствии с рекомендациями Ная – исходя из притягательности европейских ценностей, миролюбивого характера ее дипломатии и стабильности европейских институтов. Это действительно так. Но нельзя забывать, что в 1990-е и 2000-е гг. все успехи внешней политики ЕС в значительной мере объяснялись эффективностью политики расширения, ресурса «жесткой силы», который в сегодняшние кризисные времена едва ли не исчерпан полностью.

Европа выступает наиболее серьезным конкурентом Соединенных Штатов с точки зрения «мягкой» силы. Европейское искусство, литература, музыка, дизайн, мода и кухня издавна воспринимаются в мире с доброжелательным интересом. Многие страны Европы обладают сильной культурной притягательностью: из десяти наиболее широко распространенных в мире языков половину составляют европейские. Испанский и португальский связывают Пиренейский полуостров с Латинской Америкой, английский является общепринятым в обширном Британском содружестве, а представители почти 50 стран собираются на встречах, где их объединяет французский язык.

Европа в целом впечатляет своими «мягкими» ресурсами:

– Франция занимает первое место по числу Нобелевских премий в области литературы;

- Великобритания находится на первом, Германия — на втором месте в списке стран, где стремятся найти убежище беженцы и эмигранты;
- Франция, Германия, Италия и Великобритания превосходят США по средней продолжительности предстоящей жизни своих граждан;
- почти все европейские государства направляют на помощь развивающимся странам большую часть своего ВВП, чем Соединенные Штаты;
- хотя Великобритания и Франция намного меньше Америки, они расходуют на публичную дипломатию примерно столько же средств, сколько и США.

Ни одно европейское государство в отдельности не может соперничать с Соединенными Штатами по своим масштабам, но Европа в целом обладает таким же по объему рынком и даже несколько большим населением. А объединение Европы само по себе несет большой заряд «мягкой» силы. То, что война сейчас немыслима между странами, ожесточенно сражавшимися между собой на протяжении столетий, что вся Европа стала зоной мира и процветания, создает ей позитивный имидж повсюду в мире.

Один из показателей усиления «мягкого» могущества Европейского Союза – в растущей популярности точки зрения, согласно которой он выступает позитивной силой в решении глобальных проблем. Сразу вслед за войной в Ираке жители Центральной Европы и Турции дали ЕС более высокие оценки, чем Соединенным Штатам, за его вклад в решение самых разных проблем — от борьбы с терроризмом до сокращения бедности и защиты окружающей среды. Несмотря на то, что правительства многих стран Центральной Европы поддержали военные действия, которыми руководили США, общественность этих стран считала роль ЕС во многих аспектах более позитивной.

На основе изложенного материала можно сделать вывод о том, что понятие «мягкая сила» хорошо просматриваемую на примере политики США.

Особенно актуальной концепция «мягкой силы» стала в годы Дж. Буша-мл., поскольку именно с внедрением «мягкой силы» в «жесткий внешнеполитический курс США связывались надежды американцев улучшить

свой имидж за рубежом. Однако они не оправдались. Барак Обама, занявший пост президента США в январе 2009 года, возглавил страну в период, когда её популярность в мире была крайне подорванной. Поэтому первоочередной задачей перед новой американской администрацией стало восстановление авторитета США на мировой арене.

Остается надеяться, что нынешний президент США учтет опыт и ошибки своих предшественников и внесет определенные коррективы во внешнюю политику, которая вызывает всё больше вопросов в мире. Уже можно говорить о понимании новой администрацией того, что США нуждаются в значительных переменах в реализации своего внешнеполитического курса. Так, на открытии 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Б. Обама подчеркнул, что «ни одна страна не может и не должна пытаться доминировать над другими»[17]. Из его многочисленных выступлений прослеживается четкое желание вернуть Америке популярность и поддержку ее прежних союзников и партнеров.

Необходимость перемен во внешнеполитическом курсе страны осознает и Х. Клинтон, которая в своей первой речи на посту государственно госсекретаря США предложила некий баланс мягкой и твердой мощи, который должен лечь в основу новой внешнеполитической линии США.

Таким образом, всё чаще стали говорить об определенном балансе «мягкой» и «твердой» силы, который вошел в международный лексикон как «умная сила»/ «smart power».

Именно этот новый политический феномен должен, по мнению его сторонников, прийти на смену «мягкой силе» США, не сумевшей сбалансировать «жесткую» внешнеполитическую линию страны. Согласно новому подходу, администрация президента Обамы намерена запустить процесс «перезагрузки» отношений, причем не только с Россией, но и с остальным миром. Конечно, это вовсе не означает, что Соединенные Штаты собираются отказаться от своей «глобальной миссии» по распространению американских ценностей по всему свету, однако президент Барак Обама выступает за отказ от тактики своего предшественника Джорджа Буша мл.,

который больше полагался на «жесткую силу» американского могущества - то есть на способность «убеждать» оппонентов, используя, в основном, военное превосходство и экономическую мощь Соединенных Штатов Америки.

Внешняя политика Соединенных Штатов должна стать более продуманной и взвешенной, одновременно более реалистичной и гибкой, для достижения чего предполагается использование так называемой «умной силы». Об этом новом явлении во внешнеполитическом курсе США пишет в одной из своих последних статей профессор, академик РАН, д.полит.н. А.В. Торкунов: «Основанная на огромном военно-технологическом превосходстве уверенность, толкавшая к односторонности в международных делах, похоже, уступает место более реалистичному курсу.

США вынужденно вступают в эпоху мягкой силы, «умного» сочетания «мягкой» и «жесткой» силы, опоры на изощренную дипломатию (требует учета интересов союзников Вашингтона) и на восстановление морального и идейного (а не идеологизированного) влияния в мире»[18].

2.2. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике США и ЕС

Конечно, в Европе по-прежнему имеется ряд проблем, что показали и разногласия по Ираку. Она выступает единым фронтом в сфере торговли, в валютной и сельскохозяйственной политике, все чаще — в области прав человека и уголовного права. Европа идет к более сильной конституции, согласно которой будет учрежден пост президента и министра иностранных дел, но в случае разногласий внешняя и оборонная политика останутся фактически за национальными правительствами. Деньги и пушки — традиционные козыри жесткой государственной власти — остаются в основном за странами-членами.

Бюрократические препоны и негибкость рынка труда — при наличии неблагоприятных демографических тенденций — сдерживают темпы экономического роста. Если не произойдет изменений, к 2050 году средний

возраст населения США составит 35 лет, а стран ЕС — 52 года. Имея население, которое не только стареет, но и сокращается по численности, Европа будет вынуждена либо принимать все больше иммигрантов (что политически затруднительно), либо смириться с ослаблением своего влияния на мировую политику.

В то же время многие аспекты внутренней политики, реализуемой в Европе, привлекают молодую часть населения современных демократических стран. Позиции по вопросу о смертной казни, по контролю за оружием, по изменению климата и по правам гомосексуалистов — вот лишь некоторые факторы, укрепляющие «мягкую» силу Европы.

Многое из сказанного выше относится и к экономической политике: хотя зачастую успехи американской экономики оцениваются высоко, далеко не во всем мире ее считают моделью для своих стран. Некоторые предпочитают европейский подход, в условиях которого правительство играет большую роль в экономике, чем в США. Правительственные расходы (а следовательно, и налоги) составляют в Европе примерно половину ВВП, тогда как в Америке — около одной трети. В Европе мощнее система социального обеспечения и профсоюзы, а рынок труда более регламентирован. В американской культурной традиции, отразившейся и в законах о банкротстве и финансовых структурах, больше заботы о предприимчивости, чем в Европе, зато многие европейцы осуждают неравенство и незащищенность как цену, которую приходится платить в Америке, где главным образом полагаются на рыночные силы.

Помимо привлекательности своей культуры и внутренней политики, Европа черпает «мягкую» силу и в сфере внешней политики, поскольку ее действия часто служат благу всего человечества. Разумеется, не все подходы европейцев одинаково дальновидны, о чем свидетельствует, например, единая сельскохозяйственная политика, своим протекционизмом наносящая ущерб фермерам в бедных странах. В то же время позиция Европы по проблемам глобальных климатических изменений, международного права и соблюдения прав человека является одной из наиболее авторитетных. На долю Европы

приходится 70% общемирового объема средств, направляемых на помощь беднейшим странам, что в 4 раза превышает вклад Америки. Европа не гнушается трудной работой по строительству государственных структур в «третьем мире», от которой воздерживаются США при нынешней администрации.

По сравнению с американцами, в последние годы европейцы более уверенно стали использовать для достижения своих целей международные организации. Это отчасти обусловлено опытом строительства Европейского Союза, отчасти отражает своекорыстный интерес, заключающийся в создании системы сдержек единственной мировой сверхдержавы. В любом случае склонность Европы к многосторонности, каковы бы ни были ее мотивы, в мире, где унилатерализм подвергается все более острой критике, делает ее политику привлекательной для многих других стран.

Европейцы способны использовать многосторонние институты с целью ограничения «мягкого» владычества Америки. Это, в частности, проявилось в том, что Франция и Германия сумели воспрепятствовать стремлениям США добиться второй резолюции Совета Безопасности ООН к началу войны в Ираке. Соединенным Штатам эта война обошлась дороже, чем могла бы обойтись, если бы они эффективно использовали свою «мягкую» силу, в том числе и на этапе умиротворения и реконструкции Ирака.

Европейцы направляют значительные средства на развитие своей публичной дипломатии, особенно в области налаживания международных культурных контактов. Франция стоит на первом месте, расходуя 17 долларов [в год] на душу населения, что в четыре раза больше, чем у занимающей второе место Канады, за которой идут Великобритания и Швеция. Для сравнения: расходы Государственного департамента США на финансирование международных культурных программ составляют лишь 65 центов на душу населения в год. Кроме того, европейские страны настойчиво наращивают прием иностранных студентов в свои колледжи и университеты.

«Мягкая» сила Европы может использоваться как противовес американской, делая односторонние акции США дороже, но может и подкреплять американскую «мягкую» силу, облегчая достижение Соединенными Штатами своих целей. «Мягкое» влияние вполне можно использовать совместно и скоординированно. Приверженность Европы демократии и соблюдению прав человека помогает продвижению ценностей, которые разделяются Америкой и обуславливают цели и задачи ее внешней политики.

Многие европейцы понимают, что многосторонняя дипломатия возможна и без многополюсного баланса военных сил, и были бы рады разделить с США их «мягкое» могущество при условии, что Америка перейдет к внешней политике, предполагающей большее сотрудничество. Нарастание европейского «мягкого» могущества пойдет в актив или в пассив для США лишь в зависимости от самой американской политики и от того выбора, который сделают Соединенные Штаты.

Роберт Кейган недавно сформулировал афоризм: «Американцы происходят с Марса, а европейцы — с Венеры». Эта провокационная формула слишком упрощает различия между Америкой и Европой в подходе к вопросам мира и безопасности. Наивно думать, что у европейцев вызывает отвращение применение силы, в то время как американцы привержены ее использованию. В конце концов европейцы были в числе тех, кто настаивал на военном вмешательстве в Косове в 1999 году. Как показала война в Ираке, есть европейцы, предпочитающие Марс, и есть американцы, которым мила Венера. Несмотря на все это, успех европейских стран в создании зоны мира на территории, ранее опустошенной тремя франко-германскими войнами, вполне располагает их к мирному разрешению конфликтов.

В отличие от предыдущих этапов истории международных отношений, зоны мира, где применение силы более не считается приемлемым вариантом взаимодействия между государствами, стали возникать там, где большинство стран привержены либеральной демократической традиции. Это относится и к

динамике отношений Соединенных Штатов с Европой, Канадой и Японией. Существование таких зон мира свидетельствует о нарастании значения «мягкой» силы по мере сближения стандартов допустимого поведения демократических государств. В своих отношениях друг с другом все развитые демократии — с Венеры.

Однако, как заметил британский дипломат Роберт Купер, отношения между развитыми демократическими странами — это сегодня только одно из трех важнейших измерений в мировой политике. В системе отношений, связывающих индустриализирующиеся и доиндустриальные общества, принцип баланса сил и роль военной мощи по-прежнему актуальны. Важными субъектами международных отношений становятся и неправительственные структуры. А борьба с международным терроризмом — это четвертая сфера, где «жесткая» сила остается решающей. Насколько европейцы поглощены обустройством собственного мира, совершенствованием преобладающих в нем законности и порядка, настолько же они не желают видеть серьезнейших угроз, с которыми сталкиваются развитые демократии. Точно так же, как американцам необходимо в своей стратегии уделять больше внимания «мягкой» силе, европейцам следовало бы укреплять свою «жесткую» мощь.

Но даже если они займутся этим и страны НАТО определяют разделение труда и различные ниши на пространстве «жесткой» силы, то и тогда диспропорции между Европой и США скорее всего сохранятся. Поэтому возможен и другой благоприятный вариант «разделения труда», в котором «мягкая» сила Европы и «жесткая» сила Америки подыгрывали бы друг другу, как в комбинации «плохой полицейский — хороший полицейский». Отдельные элементы такого подхода можно было заметить на ранних этапах развития ситуации вокруг ядерной программы Ирана. Но данная стратегия эффективна только в том случае, если оба полицейских знают, что они играют в одну и ту же игру, и согласовывают свои действия. Именно этого так часто недоставало в последние годы.

Современная международная политическая арена характеризуется многополярностью. Процессы происходящие последние пять лет существенно изменили уровень влияния США на мировой арене, что не может не находить отклика в внешней политике этой страны.

На политической карте мира в современных условиях постоянно происходят изменения, которые имеют не количественный, а качественный характер. Речь идет не о присоединении вновь открытых земель, территориальных завоеваниях, добровольных уступках или обмене участками суши. Разговор идёт о смене общественно-экономических формаций, приобретении страной политического суверенитета, введение новых форм государственного устройства, образование межгосударственных и надгосударственных политических союзов и организаций, появление и исчезновение на планете «горячих точек».

США сегодня не единственное государство на вершине мировой финансово-экономической пирамиды. Там располагаются еще шесть наиболее развитых стран мира – Великобритания, Канада, Германия, Франция, Италия, Япония. И хотя в этой «семерке» голос США главенствует, по многим принципиальным вопросам они вынуждены считаться со своими партнерами.

Суммарная экономическая мощь Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), включающего Японию, Китай, Австралию, Новую Зеландию, Тайвань, Южную Корею, Сингапур, равна суммарной экономической мощи США и ЕС. По прогнозам, к 2015–2020 гг. на этот регион будет приходиться 50% всего мирового валового национального продукта (ВВП). Самостоятельной силой и мировым центром становится Китай. К 2020 г. по ВВП Китай может сравняться с США, а его военный потенциал составит почти половину американского. Все больший вес приобретает Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – субрегиональная политико-экономическая организация, в которую входят Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Бруней. Особняком стоят Индия и Пакистан, которые стали обладателями ядерного

оружия, а также Иран, страны арабского мира и Латинской Америки. В геополитических сценариях каждый из этих регионов может играть свою роль.

Таким образом, объективное возрастание удельного веса США на современном этапе в определенной степени нивелируется повышением самостоятельности других «полюсов»[19].

Геополитическая карта мира в начале третьего тысячелетия претерпевает серьезные изменения. Пойдет ли развитие мира в XXI в. под знаком доминирования США, или мир сохранит многополярность и тем самым многовариантность выбора, зависит не в последнюю очередь от других ведущих мировых держав.

Формирование международных отношений в условиях глобализации сопровождается жесткой конкуренцией, а также стремлением ряда государств усилить свое влияние на мировую политику, в том числе путем создания оружия «массового поражения». Так в XXI в. американская «мягкая сила» становится своего рода «оружием массового поражения», которое, в отличие от атомной бомбы, США применяют постоянно, без временных и пространственных ограничений. В свое время выдающийся советский ученый П. Капица заметил, что «средства массовой информации не менее опасны, чем средства массового уничтожения». Это в полной мере относится и к социальным интернет сетям как средству реализации мягкой силовой стратегии[20].

Возросшая роль информации в жизни современного человека, разгоняющей маховик исторического процесса, форсирует создание глобального сетевого общества, оторванного от традиций и национальных культур. Фактически информационная деятельность превращается в своего рода оружие, которым пользуются некоторые политические силы. В любом случае информационная война – это всегда война за знания и мнения. Не случайно столь популярно высказывание, что владеющий информацией владеет миром. В современных условиях это уже объективная, хоть и не всегда приятная данность.

Значение силовых аспектов в международных отношениях продолжает оставаться существенным. Однако, сегодня изменились формы силового воздействия, так мягкая сила США, которая базируется на публичной дипломатии, экономической и военной помощи, международных образовательных программах и методике бархатных переворотов сегодня превратилась в высокоинтеллектуальную систему манипуляции сознанием, призванную усилить поддержку американских инициатив среди зарубежных аудиторий, главный и специфический инструмент латентного управления международными процессами, который актуализируется именно в эпоху глобализации. Объектами латентного управления становятся не только отдельные страны и регионы мира, но и международные отношения.

В эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментарий «мягкой» силы стал рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи страны, претендующей на статус мирового центра или полюса власти, иными словами современной великой державы

Сегодня для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что в современном мире у единоличного лидера не будет хватать ни военно-политических, ни экономических, никаких других ресурсов. Но что еще важно — сама модель является неработающей, так как в ее основе нет, и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации.

Однополярный мир не выдержал глобальных угроз, стоящих сегодня перед человечеством (международный терроризм, распространение ядерного оружия, появление новых «горячих точек» на планете, нищета и голод, энергетический и финансовый кризис). Односторонние действия США, которые претендуют на роль гегемона в мировой политике, не решили ни одной проблемы. Более того, они стали генератором новых человеческих трагедий и очагов напряженности. Войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало. Сегодня мы часто сталкиваемся с случаями пренебрежения

основополагающими принципами международного права. Более того – отдельные нормы, да, по сути – чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере и навязывается другим государствам.

Сегодня путём естественных изменений на политической карте мира произошли серьёзные изменения. Появились новые центры развития. Мир стал многополярным. Неизбежная глобализация, затягивающая все большее число стран, сталкивается с новыми вызовами и угрозами, которые невозможно, а главное – несправедливо решать с позиции выгоды какого-то одного политического игрока. Все проблемы необходимо решать мирным путём, сообща и на взаимовыгодных условиях. Уже давно пора задуматься над созданием новой архитектуры международных отношений и инструмента их регулирования, справедливо учитывающих чаяния каждого государства мирового сообщества и всех граждан нашей земли с их национальными особенностями и исторически сложившимися традициями.

К началу XXI в. США и другие великие державы исчерпали потенциал глобального военного доминирования, поэтому их политическое руководство делает акцент на формировании новых высокоинтеллектуальных стандартов управления, в том числе внешней политикой. Рождаются высокотехнологичные системы знания, которые являются одним из основных аспектов «мягкой силы» великих держав.

Сегодня «мягкая сила» – это сложнейшая многоуровневая система, которая позволяет великим державам решать тактические и стратегические задачи на международной арене, проявляясь в официальном и неофициальном направлениях. Данная система воздействует на аудиторию, реализуя как национальные интересы государства, так и интересы глобальных элит, где доминируют представители деловых и политических кругов США и других великих держав.

Неизбежная глобализация, затягивающая все большее число стран, сталкивается с новыми вызовами и угрозами, которые невозможно, а главное – несправедливо решать с позиции выгоды какого-то одного политического игрока. Все проблемы необходимо решать мирным путём, сообща и на взаимовыгодных условиях. Уже давно пора задуматься над созданием новой архитектуры международных отношений и инструмента их регулирования, справедливо учитывающих чаяния каждого государства мирового сообщества и всех граждан нашей земли с их национальными особенностями и исторически сложившимися традициями.

В современных условиях только великие державы способны определить вектор современного развития международных отношений, где ключевую роль в их реализации будет играть мягкая сила.

Примечания:

1. Законы привлекательности // Коммерсант. 2006. 26 апреля. С. 25.
2. Joseph Nye Jr. Propaganda Isn't the Way: Soft Power / The International Herald Tribune. January 10, 2003. P. 56.
3. Joseph Nye Jr. Soft power: The Means to Success in World Politics / New York: Public Affaires. 2004. P. 129-132.
4. Nye J. The Paradox of American Power. London, 2002, P.11.
5. Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Neokonservatizm-nazad-k-teorii>
6. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. 285-310.
7. Дубинин Ю.В. Дипломатическая служба Франции / Дипломатия иностранных государств : учеб. пособие / под ред. Т.В. Зонойвой ; МГИМО(У) МИДРФ. – М. : РОССПЭН, 2004. С..55.
8. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить. / Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп. 2008. С. 49
9. Joseph Nye Bush Could Do with Decent PR Help / the Bangkok Post. January 21, 2005.
10. Helena K. Flinn The Case for Cultural Diplomacy / Foreign Affaires, November-December 2003. P. 18.
11. Самуйлов С.М. «Дипломатия преобразований» Кондолизы Райс и реформирование Госдепартамента США // Экономика, политика, культура. Январь 2008. № 1. С. 30.
12. US Department of State. URL: www.state.gov

13. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. ирук. авт. кол. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. .343.
14. Там же.
15. Най Дж. Мягкая утрата власти. – Internationale Politik. Январь – февраль 2005, С.63.
16. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Т. 2 (2004). № 1. С. 16.
17. Русский Обозреватель. URL: www.rus-obr.ru
18. Торкунов А.В. Хитрая «перезагрузка» // Известия. 2009. 4 декабря.
19. Михайлов В.А. Внешняя политика Российской Федерации на рубеже второго и третьего тысячелетий // Геополитика: / Под общ. ред. В. А. Михайлова. М.: Изд-во РАГС, 2014
20. Филимонов, Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность : монография. М.: РУДН, 2012. С.212-222.

Заключение

«Мягкая сила» рассматривается как концепт политической науки, который применяется для анализа мягких инструментов политического влияния государств в условиях глобальной конкуренции. Основным инструментом «мягкой силы» является привлекательный имидж страны. «Мягкая сила» — это способность государства перетягивать на свою сторону другие государства путем демонстрации ценностей и достижений в разных областях жизни. Антитезой «мягкой силы» выступает «жесткая сила», к которой относятся инструменты военного и экономического давления. Диалектическое соединение «мягкой» и «жесткой» силы в государственной стратегии обозначается понятием *smart power* («умная сила»).

Следует различать краткосрочные и долгосрочные инструменты «мягкой власти». В краткосрочном периоде, который, как правило, не превышает нескольких месяцев, наиболее эффективными инструментами являются СМИ, традиционные и новые социальные медиа, с присущими им возможностями и ограничениями. В долгосрочной перспективе «мягкая власть» в меньшей степени зависит от риторики, но больше связана с практикой: государства, имеющие более привлекательные для остальных модели развития, подтвержденные уровнем жизни, экономическими и социальными достижениями, с большей вероятностью будут пользоваться авторитетом и одобрением. В длительной перспективе эффективными инструментами «мягкой власти» для государства являются, во-первых, предоставление услуг высшего образования, а, во-вторых, — развитие наук, в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов — теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства.

Понятие «мягкая сила» хорошо просматриваемую на примере политики США.

Особенно актуальной концепция «мягкой силы» стала в годы Дж. Буша мл., поскольку именно с внедрением «мягкой силы» в «жесткий внешнеполитический курс США связывались надежды американцев улучшить свой имидж за рубежом. Однако они не оправдались. Барак Обама, занявший пост президента США в январе 2009 года, возглавил страну в период, когда её популярность в мире была крайне подорванной. Поэтому первоочередной задачей перед новой американской администрацией стало восстановление авторитета США на мировой арене.

Остается надеяться, что нынешний президент США учтет опыт и ошибки своих предшественников и внесет определенные коррективы во внешнюю политику, которая вызывает всё больше вопросов в мире. Уже можно говорить о понимании новой администрацией того, что США нуждаются в значительных переменах в реализации своего внешнеполитического курса. Так, на открытии 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Барак Обама подчеркнул, что «ни одна страна не может и не должна пытаться доминировать над другими. Из его многочисленных выступлений прослеживается четкое желание

Вернуть Америке популярность и поддержку ее прежних союзников и партнеров.

Необходимость перемен во внешнеполитическом курсе страны осознает и Хилари Клинтон, которая в своей первой речи на посту государственного секретаря США предложила некий баланс мягкой и твердой мощи, который должен лечь в основу новой внешнеполитической линии США.

Таким образом, всё чаще стали говорить об определенном балансе «мягкой» и «твердой» силы, который вошел в международный лексикон как «умная сила»/ smart power.

Именно этот новый политический феномен должен, по мнению его сторонников, прийти на смену «мягкой силе» США, не сумевшей сбалансировать «жесткую» внешнеполитическую линию страны. Согласно новому подходу, администрация президента Обамы намерена запустить процесс «перезагрузки» отношений, причем не только с Россией, но и с

остальным миром. Конечно, это вовсе не означает, что Соединенные Штаты собираются отказаться от своей «глобальной миссии» по распространению американских ценностей по всему свету, однако президент Барак Обама выступает за отказ от тактики своего предшественника Джорджа Буша мл., который больше полагался на «жесткую силу» американского могущества - то есть на способность «убеждать» оппонентов, используя, в основном, военное превосходство и экономическую мощь Соединенных Штатов Америки.

Внешняя политика Соединенных Штатов должна стать более продуманной и взвешенной, одновременно более реалистичной и гибкой, для достижения чего предполагается использование так называемой «умной силы». Об этом новом явлении во внешнеполитическом курсе США пишет в одной из своих последних статей профессор, академик РАН, д.полит.н. А.В. Торкунов: «Основанная на огромном военно-технологическом превосходстве уверенность, толкавшая к односторонности в международных делах, похоже, уступает место более реалистичному курсу.

США вынужденно вступают в эпоху мягкой силы, «умного» сочетания «мягкой» и «жесткой» силы, опоры на изощренную дипломатию (требует учета интересов союзников Вашингтона) и на восстановление морального и идейного (а не идеологизированного) влияния в мире»

В данной работе были рассмотрены особенности влияния великих держав на международные политические процессы, происходящие в современном мире. Современные международные политические отношения характеризуются многополярностью. Мир разделён на сферы влияния между великими державами, и ни один из существующих центров силы не в состоянии самостоятельно навязать свою волю в чужой сфере без создания широкой коалиции сил. Иного, чем силовой, способа изменить объём сферы своего влияния при таком миропорядке не существует. В такой ситуации значительно возрастает роль невоенного воздействия в сфере международных отношений, к которым относят ресурсы мягкой силы. В эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментарий «мягкой» силы стал

рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи страны, претендующей на роль мирового центра или полюса власти, иными словами на статус современной великой державы.

Несмотря на споры в трактовках понятия следует подчеркнуть, что категория «великой державы» сегодня возвращена в политологический лексикон после ее игнорирования большинством американских, западноевропейских и российских специалистов по международным отношениям. В настоящей статье проанализированы современные изменения на политической карте мира. В современном и быстро меняющемся многополярном мире все большее значение приобретают не силовые методы воздействия, которые формируют современную систему международных отношений. Возрастает роль «мягкой силы» и её культурно-коммуникационных инструментов, которые являются важным инструментом политического влияния великих держав в современном глобальном мире. В условиях многополярного мира одним из ключевых факторов, необходимых для сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности страны, консолидации общества, создания условий для успешного решения внутренних проблем, и соответственно, возникновения возможности для ведения государством активной внешней политики является необходимость формирования потенциалов «мягкой силы» как основного средства обеспечения национальной и международной безопасности.

Библиографический список

I Литература

1. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Том 2. Номер 1 (4). Январь-апрель 2004.
2. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Т. 2 (2004). № 1.
3. Дубинин Ю.В. Дипломатическая служба Франции / Дипломатия иностранных государств : учеб. пособие / под ред. Т.В. Зоной ; МГИМО(У) МИДРФ. – М.: РОССПЭН, 2004.
4. Законы привлекательности // Коммерсант. 2006. 26 апреля. С. 25.
5. Зевелев И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ // Очерки текущей политики. Выпуск 2. Научно-образовательный форум по международным отношениям. Москва, 2006.
6. Зевелев И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2. Научно-образовательный форум по международным отношениям. Москва, 2006.
7. Киртон, Дж. Дж. Основные концепции изучения роли Европейского союза в «Группе 8» Дж.Киртон / Европейский союз и «Группа 8»: совместная ответственность за глобальное общественное благо: коллективная монография. М.: Изд-во НИУ ВШЭ. 2010.
8. Леонова О. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства//Обозреватель, 2013, №4.
9. Михайлов В.А. Внешняя политика Российской Федерации на рубеже второго и третьего тысячелетий // Геополитика: / Под общ. ред. В. А. Михайлова. М.: Изд-во РАГС, 2014.
10. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения. // Свободная мысль - XXI. 2004. № 10.

11. Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006.
12. Най, Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. С. Най. – М.: Фонд «Тренды», 2006.
13. Най Дж. Мягкая утрата власти. – Internationale Politik. Январь – февраль 2005, С.63.
14. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008.
15. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить. / Отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп. 2008.
16. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. ирук. авт. кол. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. .343.
17. Русакова О. Ф., Soft power как стратегический ресурс: опыт стран Азии//Тренды современного политического процесса, 2013.
18. Самуйлов С. М. «Дипломатия преобразований» Кондолизы Райс и реформирование Госдепартамента США. Экономика, политика, культура. Январь 2008. № 1.
19. Торкунов А.В. Хитрая «перезагрузка» // Известия. 2009. 4 декабря.
20. Филимонов, Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность : монография. М.: РУДН, 2012.
21. Цзаяйцы Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4.
22. Шадже А.Ю. Диалог как условие сохранения разнообразия в глобализирующемся мире.//Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления». М.: МАКС-Пресс, 2011. Т.2.
23. Barnett M. Power in international politics // International organization 59, winter 2005.
24. Duval R. Power in global governance. Cambridge University Press, 2005.

25. Geun Lee. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Korean Journal of Defence Analysis. 2009. Vol. 21, № 2. June.
26. Heng Yee-kuang Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evaluating Japanese and Chinese strategies in the 'soft' power competition era // International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 10 (2010). P.49-57.
27. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. 2011. Vol. 126. Num. 2. Summer.
28. Ikenberry J. After victory: institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars. Princeton University Press, 2001. P 320.
29. Helena K. Flinn The Case for Cultural Diplomacy / Foreign Affaires, November-December 2003. P. 18.
30. Holl Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analitical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3.
31. Kearns, David W. The hard truths about soft power // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4, No. 1. Apr.
32. Lukes S. Power: a radical view. Macmillan, 2005.
33. Mattern J .B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies, Vol.33 #3 2005.
34. Mcarsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. University of Chicago, W.W. Norton and Company, Inc, 2001.
35. Nye J. The Means to Success in World Politics. NY. 2004.
36. Nye J. The Paradox of American Power. London, 2002.
37. Nye J. Bush Could Do with Decent PR Help / the Bangkok Post. January 21, 2005.
38. Nye J. Jr. Propaganda Isn't the Way: Soft Power / The International Herald Tribune. January 10, 2003.
39. Nye J. Jr. Soft power: The Means to Success in World Politics / New York: Public Affaires. 2004.

40. Waltz K. Theory of international politics. McGraw-Hill, 1979.
41. Whitney Ch., Shambaugh M. David. Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion The Chicago Council on Global Affaires, 2008.
42. Ying Fan. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy, vol. 4 (2008), №. 2.

II Интернет-ресурсы

1. Материалы к заседанию Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации. Образование как инструмент «мягкой силы» и «умной власти» во внешней политике России URL: http://www.budgetrf.ru/Publication/Magazines/VestniksF/2012/VSF_NEW2012_10191208_p_003.htm
2. Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Neokonservativizm-nazad-k-teorii>
3. Русский Обозреватель. URL: www.rus-obr.ru
4. Kona Yuki. Новая политика японского правительства Cool Japan // Cool Japan Journal. 30.01.2012. URL: [www//.http:j.cooljapan.ru/archives/4183](http://www.j.cooljapan.ru/archives/4183)
5. US Department of State. URL: www.state.gov
6. Wagner Christian. Indias' Soft power: Prospects and Limitations // India Quaterly: A Journal of International Affaires. 2010. URL: <http://www.iqq.sagepub.com/content/66/4/333>.
7. Who Rules the World? The Top 20 in Full. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2234726/Britain-tops-global-soft-powerlist.html>. Britain-tops-global-soft-power-list

Таблица 1.1 – Различия между «мягкой» и «жесткой» силой

Основание для сравнения	«Жесткая сила»	«Мягкая сила»
Определение	Возможность влиять с помощью силы или принуждения	Возможность влиять с помощью мягкого притяжения
Область применения	Военная и экономическая власть	Культурная сила
Возможность оценки	Ощутима, легко измерить, предсказуема в определенной степени	Неощутима, трудно измерима, непредсказуема
Возможность контроля	Подконтрольна государству и организациям	В основном контролируется не представителями государства, трудно поддается контролю
Вид эффекта	Прямой, краткосрочный, немедленный эффект	Косвенный, долгосрочный, отложенный эффект
Область отношений	Внешние	Внутренние